
Глава 8

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СТАЛИНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1. Роль Сталина в формировании антигитлеровской коалиции

Проблеме формирования антигитлеровской коалиции посвящено множество специальных исторических исследований, сборников документальных материалов, газетных и журнальных публикаций, всякого рода мемуаров, кинофильмов и т. д. Так что этот важный исторический сюжет, можно без всяких натяжек сказать, нашел самое детальное и всестороннее освещение. Хотя со времени второй мировой войны прошло едва ли не семь десятков лет, эта тема до сих пор остается весьма актуальной и ей посвящаются все новые работы. Это имеет логическое и историческое обоснование: в мировой истории антигитлеровская коалиция явилась явлением уникальным по многим своим параметрам. Вместе с тем, она стала своего рода примером, если не эталоном, того, что разные по своей природе и общественному устройству государства могут объединять свои усилия для противодействия агрессии. Разумеется, когда эта агрессия задевает их жизненные интересы. У лидеров государств достает прозорливости, а часто и политического мужества, чтобы идти на союз с теми, кого они считали (а зачастую и продолжали считать) своими реальными или потенциальными политическими противниками. Вчерашние соперники как бы на время отодвигали на второй план (по крайней мере, на некоторое время) свои глубокие разногласия и оказывались в состоянии приходить к обоюдовременным решениям. Причем сразу же следует подчеркнуть, что этот процесс носил чрезвычайно сложный, противоречивый, а порой едва ли не тупиковый характер. Но фактом остается то, что коалиция ведущих мировых держав того времени – прежде всего Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – несмотря на все выдержала испытания временем и оказалась жизнеспособной вопреки прогнозам пессимистов, которых в то время было более чем достаточно.

Одной из фундаментальных основ настоящей главы явились сборники документов: переписка лидеров трех стран (СССР, США и Великобритании), а также солидные документальные сборники важнейших конференций времен войны – Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. В них помещены не только документы самих конференций и материалов, имевших отношение к их подготовке, но и записи бесед прежде всего руководителей трех союзных держав, а также их министров иностранных дел, начальников генеральных штабов и других высокопоставленных деятелей. Эти документы дают возможность на строго научной основе очертить базисные позиции трех держав по коренным проблемам союзнических отношений, вопросам борьбы против общего врага, проследить процесс становления коалиции трех держав, проанализировать некоторые главные противоречия и трудности, возникавшие в процессе сотрудничества. Сюда же примыкают документальные сборники, посвященные другим важным конференциям и пе-

реториям союзников во время войны. Поскольку Сталин во всех этих мероприятиях играл едва ли не решающую роль (если не непосредственно, то через советских представителей), то эти документальные издания дают возможность на конкретном фактическом материале раскрыть цели, содержание, направления и особенности его внешнеполитической стратегии в период войны. Этот вид источников во многом расширяет рамки сведений о его деятельности и позволяет выносить суждения и делать выводы о ней не на базе каких-то субъективных предположений и умозаключений, а на основе исторически бесспорных и достоверных фактов.

Свою задачу я усматриваю не в том, чтобы подробно и обстоятельно рассмотреть историю формирования и функционирования антигитлеровской коалиции. Это явно выходит за естественные рамки моей темы. Тем более, что существенно нового и оригинального по данной теме я едва ли сообщу информированному читателю. Моя цель более скромная и одновременно достаточно широкая. Во-первых, пунктиром обозначить то, как идеи создания блока с западными союзниками вписывались в сталинскую внешнеполитическую концепцию. Во-вторых, раскрыть роль Сталина в создании антигитлеровского союза государств, показать его постоянные усилия, нацеленные на то, чтобы сплотить союзников для быстрейшего разгрома фашистских и агрессивных государств. Этой теме как у нас в стране, так и за рубежом посвящено немалое число публикаций. Но тем не менее считать данную тему исчерпанной нет никаких оснований. К примеру, в 2000 году увидела свет обстоятельная и весьма аргументированная работа Р. Иванова, специально посвященная данной проблематике.¹ Примерно в это же время была опубликована работа В. Фалина, посвященная теме второго фронта. В ней автор рассматривает различные аспекты проблемы и делает, на мой взгляд, немного пессимистический, но тем не менее не лишенный смысла общий вывод о том, что на уровне современных знаний едва ли мыслимо поставить точки над *i* по большинству из рассматриваемых вопросов.² Короче говоря, в разные годы были изданы различные по характеру и идеологическому содержанию книги, основным сюжетом которых являлось рассмотрение проблем союзнических отношений в период второй мировой войны. Эта тема до сих пор находится в поле внимания исследователей и публицистов, поскольку множество фактов и событий все еще ждут своего объективного и всестороннего анализа. И интерес к рассматриваемой теме вполне закономерен, хотя события того времени с каждым годом все более отдаляются от нас.

Для рассмотрения темы весьма ценными материалами являются мемуары западных политиков, прежде всего Черчилля, посвященные отношениям между союзниками. Нельзя недооценивать также и исследования западных специалистов, посвятивших свои работы данной проблематике. В них меня привлекали, разумеется, те эпизоды, которые непосредственно связаны с внешнеполитической деятельностью Сталина. Иными словами, объем источников и материалов, а также специальных исследований по тематике отношений между союзниками в период войны против Германии, а затем и Японии чрезвычайно богат и многообразен. Поэтому трудность заключалась в том, чтобы не утонуть в этом океане фактов и исторических документов, а выбрать из них наиболее ценные и важные, имеющие непосредственное касательство к теме.

¹ Роберт Иванов. Сталин и союзники 1941–1945 гг. Смоленск. 2000.

² Валентин Фалин. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М. 2000.

Разумеется, в данной главе я не смогу столь обстоятельно остановиться на многих важных аспектах исследуемой темы. Однако все же постараюсь показать роль Сталина в осуществлении внешнеполитической стратегии Советского Союза, акцентировав внимание на том, что именно ему принадлежит решающая и определяющая роль в выработке этой стратегии. Полагаю, что читатель согласится с мыслью о том, что правильный курс в сфере международных отношений в период Великой Отечественной войны являлся важнейшей составляющей будущей победы. Здесь – и это будет показано ниже – роль Сталина, его прозорливость и широта подходов к возникавшим проблемам, его отказ от принятых ранее шаблонов, которые выдавались за вершину марксистской мысли, а также его личные способности как дипломата высочайшего класса сыграли трудно переоценимую роль.

Конечно, как и при общей оценке Сталина как государственного деятеля и политика, в подходах к данному аспекту его деятельности существовали и существуют различные позиции, зачастую диаметрально противоположные и нередко взаимно исключающие друг друга. Но истины ради надо признать, что в наше время в критике Сталина как руководителя советской внешней политики не наблюдается такой явной необъективности и ожесточенности, как в критике других сторон его деятельности. Что, как мне думается, служит дополнительным аргументом в пользу того, что он в этой сфере проявил себя как подлинный государственник, последовательный и непреклонный защитник национальных интересов нашей страны. Этот момент трудно опровергнуть даже непримириимым критикам Сталина и сталинизма вообще.

Нет смысла ссылаться на оценки Сталина как деятеля государственного масштаба отдельных историков. Гораздо ценнее и весомее воспринимаются высказывания таких лидеров, как У. Черчилль, который непосредственно многократно встречался с советским вождем и вел с ним переговоры и беседы, часто очень острые, затрагивавшие коренные интересы обоих государств. Вот его оценка личности и роли Сталина, данная в речи в английском парламенте 9 сентября 1942 г., непосредственно после его возвращения из Москвы. Он, в частности, сказал:

“Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Stalin является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить... Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в Палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего, Stalin является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Stalin произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова.

Одно совершенно очевидно – это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. Stalin сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызывали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился”³.

³ Цит. по Роберт Иванов. Stalin и союзники 1941–1945 гг. С. 225–226.

Следует заметить, что английский премьер не был склонен к преувеличениям в оценках как своих соратников, так и соперников, хотя все же желание подчеркнуть особую важность союза с Россией и стремление сгладить имевшиеся противоречия между обеими странами, несомненно, здесь наличествуют. Однако не эти моменты определяли тональность и смысл высказываний У. Черчилля. Просто он отлавал должное вождю советских народов, зная по многочасовым, часто чрезвычайно напряженным, порой изнурительным и дотошным переговорам. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Черчилль и видел, и слышал советского лидера десятки раз, и имел все основания на практике сформировать свое мнение о нем.

Могут возразить, что Черчилль проявлял дипломатическую изворотливость и использовал лесть для того, чтобы таким образом как-то сгладить впечатление от волновавшего тогда Сталина вопроса о скорейшем открытии второго фронта. Допустим, что это так. Тогда приведем отзыв другого видного английского политического деятеля – будущего английского премьера, а во время войны министра иностранных дел Великобритании А. Идена, который в начале 60-х годов выпустил в свет свои мемуары. Наверняка в то время над ним не довлеши никакие дипломатические или политические соображения, чтобы он давал весьма лестные оценки Сталину. А. Иден писал:

“Сталин изначально произвел на меня впечатление своим дарованием и мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя и ее оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием pragmatizma Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем... Я всегда встречал в нем собеседника интересного, мрачноватого и строгого, whom часто обязывали обсуждаясь вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Stalin был прекрасно осведомлен по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен... За всем этим, без сомнения, стояла сила”⁴.

Поскольку моя цель отнюдь не состоит в том, чтобы петь только дифирамбы Сталину, в том числе и в сфере его деятельности во внешней политике и в международных отношениях, целесообразно в сжатом виде охарактеризовать некоторые качественные особенности его внешнеполитической концепции в период войны. Во втором томе я уже касался темы формирования основ внешнеполитических взглядов Сталина в тот период, когда он только шел к власти. Здесь же я в суммарном виде лишь отмечу ее новые особенности.

Известно, что его концепция в области внешней политики, как, впрочем, и его взгляды в целом, никогда не были статичными: они претерпевали постоянные изменения в зависимости от реальной мировой обстановки, укрепления мировых позиций Советской России, в связи с постоянно изменявшейся картиной на европейском континенте и в мире в целом. Конечно, нельзя отрицать, что Сталину был присущ pragmatism, в том числе и в подходе к международным делам. Этот pragmatism скорее следует назвать реализмом, что больше отвечает природе сталинских взглядов. Именно реализм служил тем локомотивом, который двигал вперед процесс эволюции сталинской внешнеполитической концепции во время войны. Бессспорно, он сделал надлежащие выводы из неудач советской

⁴ The Eden Memoirs. Facing the Dictators. L. 1962. p. 153.

внешней политики в предвоенные годы. В первую очередь, его разочаровали пропалы в попытках направить развитие на европейском континенте в русло создания системы коллективной безопасности. Видимо, он пришел к заключению, что при наличии глубочайших, порой непримиримых противоречий между основными европейскими державами, всерьез рассчитывать на создание системы коллективной безопасности – это хорошая иллюзия, но не больше того. Попытка выиграть время путем заключения пакта с Германией, конечно, помимо позитивных моментов, имела и бесспорные негативные последствия, которые также он не сбрасывал со счета. Словом, предвоенный период стал для Сталина своего рода проверкой правильности и обоснованности принципиальных основ его внешнеполитической концепции. Крупные исторические деятели так же, как и все смертные, проходят школу жизни. Особенно это относится к политикам в периоды бурных критических событий.

Сталинская внешнеполитическая концепция слагалась из двух органически взаимосвязанных компонентов: понимания государственных, лучше даже сказать, державных интересов страны, с одной стороны, и классового подхода – с другой. Соотношение этих двух фундаментальных основ с течением времени претерпевало фундаментальные изменения. Державные интересы все в большей мере становились доминирующими, а классовые интересы все больше превращались лишь в форму выражения государственных, державных интересов. Но, как известно, не форма определяет содержание, а содержание определяет форму, придавая ей порой в виде своеобразной маскировки приоритетное место. Отсюда, разумеется, не вытекает заключение, будто Stalin вообще перестал быть сторонником коммунизма и марксизма-ленинизма и относился к ним всего лишь как к инструментам реализации своих политических и иных целей. Нет, и еще раз нет! Верно другое: он, будучи причисленным к классикам этого учения, давал ему свою собственную интерпретацию, порой не имевшую ничего общего с первоисточниками, т. е. произведениями Маркса, Энгельса и Ленина. На мой взгляд, такой подход вождя заслуживает не осуждения, а поддержки. Ведь ему приходилось действовать не в пределах виртуальных марксистских догм, а в условиях суровых мировых реальностей.

Чтобы не быть бездоказательным, приведу такой характерный пример. Во время переговоров в Москве в 1944 году, в частности по вопросу о претензиях СССР к Финляндии, Черчилль сказал советскому вождю: “у меня в ушах все еще звучит знаменитый лозунг: “Ни каких аннексий и контрибуций”. Может быть, маршалу Stalinу не понравится, что я говорю это”.

Stalin с широкой улыбкой ответил: “Я же сказал Вам, что становлюсь консерватором”⁵.

В ответе Сталина явно сквозил юмор, которым он стремился прикрыть серьезные веши. Ведь с самого начала Великой Отечественной войны для советского лидера на первый план встали задачи создания единого фронта борьбы против Германии и ее союзников. А ведь еще всего несколько месяцев назад советская печать клеймила западные державы. Едва ли из памяти руководителей этих держав исчезли воспоминания о том, что, например, газета “Правда” в передовой статье от 2 февраля 1940 г. писала: “Пожар второй империалистической войны, зажженный англо-французскими империалистами, бушует за пределами нашей родины”⁶.

⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5–6. С. 228.

⁶ В книге Stalin. К 60-летию со дня рождения. М. 1940. С. 388.

Сейчас все это уже стало прошлым. Ни о каком пожаре войны, развязанном якобы Англией и Францией, не могло быть и речи. Для Москвы встал вопрос о судьбе страны, все остальное отошло на второй план. Впрочем, приведенная формулировка, хотя и правильная в своей основе, она все же довольно упрощена. Коренные, жизненно важные интересы как западных держав, так и Советского Союза отнюдь не исчезли и тем более не отошли на второй план. Судьбы стран требовали сплочения и единства в борьбе против агрессоров. Это было главным. Но почти все главные противоречия интересов, борьба за реализацию этих интересов отнюдь не отошли на задний план. Они постоянно давали о себе знать и в конечном счете предопределяли характер союзнических отношений, их постоянную борьбу по тем или иным вопросам, касавшимся этих интересов.

Война поставила не только перед Советским Союзом, но и перед всеми странами, выступившими против агрессоров, задачу сплочения своих сил для отпора захватчикам. Этот факт лишь подтвердил то место из речи Сталина от 3 июля 1941 г., что в этой войне мы не будем одиноки и будем иметь союзников в лице народов Европы и Америки и что наша борьба сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за их демократические права. Данное заявление Сталина не было фразой. Оно нашло свое подтверждение в факте формирования широкой антигитлеровской коалиции. Возникновение антигитлеровской коалиции было обусловлено объективной необходимостью объединения усилий свободолюбивых государств и народов в справедливой борьбе с агрессорами, поработившими в первые годы войны многие государства Европы и Азии и угрожавшими свободе и прогрессивному развитию всего человечества. Основным ядром коалиции являлись три великие державы – СССР, США и Великобритания. Вклад отдельных её участников в разгром врага был весьма различным. Две другие великие державы – Франция и Китай – также участвовали своими вооружёнными силами в разгроме держав "оси" и их союзников. В тех или иных масштабах в военных действиях принимали участие соединения некоторых других стран – Польши, Чехословакии, особенно Югославии (к концу 1942 года численность Народно-освободительной армии – 150 тыс. чел.), а также Австралии, Бельгии, Бразилии, Индии, Канады, Новой Зеландии, Филиппин, Эфиопии и др. В составе фронтовых объединений Советской Армии воевали с врагом 1-я и 2-я армии Войска Польского, Чехословацкий армейский корпус, французский авиаполк "Нормандия – Неман", а также впоследствии 1-я и 4-я румынские армии, 1-я болгарская армия, венгерские части.

Формирование коалиции не было единовременным актом, оно осуществлялось постепенно в ходе вооруженной борьбы с агрессорами. Вступление Советского Союза в войну стало фундаментальным фактором, под воздействием которого антигитлеровская коалиция явилась главным и решающим фактором превращения второй мировой войны в справедливую, освободительную со стороны всех сражавшихся с агрессорами. Объективные предпосылки для образования и консолидации антигитлеровской коалиции создавала освободительная борьба, возросшая роль и активность втянутых в войну с фашизмом народных масс многих стран, убедившихся в невозможности остановить агрессоров и добиться освобождения без помощи Советской России. Если смотреть фактам в глаза, то надо признать, что нападение Гитлера на СССР фактически спасло Великобританию от судьбы, постигшей Францию. Бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: "Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоя-

нии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу”⁷.

Но через пять лет после окончания войны Черчилль дал совершенно иную, явно противоречавшую реальным фактам, оценку данного факта. Он в своих мемуарах писал: “Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы нам оно не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России. Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. То обстоятельство, что Советское правительство допустило, чтобы его авиация была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что подготовка русских к войне была далеко не совершенной, с самого начала поставило их в невыгодное положение. Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии. Но ни один из этих факторов еще не сказался в 1941 году. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения”⁸.

Приведенное высказывание Черчилля относится ко времени, когда угроз над Англией уже не было и Германия была повержена. Но в начале войны настроения в английском кабинете были совершенно иные. Не случайно, что именно с Англией 12 июля 1941 г. было заключено первое соглашение, в котором оба правительства взаимно обязались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии. Они далее давали обязательство, что в продолжение этой войны не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.⁹

Однако Сталин как истинный реалист больше полагался на дела, чем на слова и всякого рода заверения. В этом ключе следует рассматривать его телеграмму советскому послу в Лондоне И. Майскому от 30 августа 1941 г. Он инструктировал посла, что английское правительство “...своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников по одиночке, — сегодня русских, завтра англичан. Англия своей пассивностью помогает гитлеровцам. То обстоятельство, что Англия аплодирует нам, а немцев ругает последними словами, — никак не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан”¹⁰.

Как видим, любвеобильные речи Черчилля и других западных деятелей не вводили Сталина в состояние эйфории, ибо он оставался на почве реальности. Тем более что в самое трудное для страны время (1941 и 1942 годы) наша страна нуждалась не в политических комплиментах, а в реальной помощи со стороны союзников. Вместе с тем надо отметить и такое обстоятельство: Сталин, видимо,

⁷ История второй мировой войны. М. 1982. Т. 12. С. 114.

⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3—4. М. 1991. С. 184.

⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М. 1944. С. 116.

¹⁰ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 248.

отдавал себе отчет, что после недавнего пакта с Гитлером Черчилль, да и некоторые другие западные руководители, будут испытывать по отношению к Москве и к нему как главе правительства определенное недоверие или какие-то сомнения, о которых открыто не говорили.

События между тем развивались в направлении расширения и укрепления антигитлеровской коалиции. 14 августа 1941 г. президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль подписали “Англо-американскую декларацию (Атлантическую хартию)”, в которой изложили цели и принципы борьбы против нацизма и агрессии, подтвердили свою решимость после уничтожения нацизма добиваться торжества демократических норм международных отношений.

Сталин считал необходимым дать указание советскому послу в Англии И. Майскому, чтобы тот на проходившей в сентябре 1941 года межсоюзной конференции в Лондоне огласил декларацию правительства СССР о согласии Советского Союза с основными принципами Атлантической хартии. Причем делалось это без явных оговорок, но они как бы проглядывали между строк: “Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза.

Советское правительство вместе с тем считает необходимым с особой силой подчеркнуть, что основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма, заключается в том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнётом гитлеровских орд”¹¹.

Ко времени, о котором идет речь, США еще не подверглись нападению японских милитаристов на Перл-Харбор, поэтому их участие в антигитлеровской коалиции в какой-то мере было не совсем полным и безусловным, но тем не менее достаточно активным. 2 августа 1941 г. исполняющий обязанности госсекретаря США С. Уэллес сообщил советскому послу в Вашингтоне, что “правительство Соединённых Штатов решило оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооружённой агрессии. Это решение продиктовано убеждением Правительства Соединённых Штатов, что укрепление вооружённого сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, – соответствует интересам государственной обороны Соединённых Штатов”¹². Для финансирования обеспечения поставок США предоставили СССР беспроцентный кредит на сумму до 1 млрд. долл. со сроком погашения через 5 лет после окончания войны. 8 ноября 1941 г. президент Рузвельт отдал распоряжение приступить к осуществлению помощи СССР на основе закона о ленд-лизе (в переводе с английского – давать взаймы или сдавать в аренду).

Российские авторы адмирал флота В. Чернавин и историк Н. Бутенин, исследовав проблему ленд-лиза, а также ее значение для Советского Союза во вре-

¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. С. 147.

¹² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. С. 124.

мя войны, справедливо отмечали, что американские, английские и канадские поставки играли для Советского Союза отнюдь не второстепенную роль во время войны, особенно на первых ее этапах. Н. Бутенина кратко излагает основные моменты, касающиеся данной проблемы. Она пишет, что 1 октября 1941 г. в Москве был подписан первый Московский протокол о снабжении Советского Союза до конца июня 1942 г. В конце месяца Рузвельт сообщил Сталину, что американские поставки будут осуществляться под беспроцентный заём на сумму 1 млрд. долл. с оплатой в течение десятилетия. В течение всей войны были подписаны еще три протокола – Вашингтонский, Лондонский и Оттавский. Официально ленд-лизовские поставки были приостановлены 12 мая 1945 г. В послевоенный период высказывались различные оценки роли ленд-лиза. В СССР чаще преувеличивалась значимость поставок, в то время как за рубежом утверждалось, что победа над Германией была определена западным оружием и что без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы. Сегодня отношение в нашей стране к помощи союзников несколько изменилось.

Нельзя сбрасывать со счетов и количественный фактор ленд-лизовской помощи, в результате чего были существенно снижены людские потери. Так, доля поставок по ленд-лизу в общем объеме поставок для армии и гражданских нужд составляла: по бронетанковой технике – 16%; самолётам – 15,3%; боевым кораблям – 32,4%; зенитной артиллерией – 18,4%; радиолокационной аппаратуре – свыше 80%; тракторам – 20,6%; металлорежущим станкам – 23,1%; паровозам – 42,1%; грузовым и легковым автомобилям – 66,1%. Эта оценка дана только по количественным показателям без учета качественных характеристик машин, их грузоподъемности, мощности двигателя, проходимости.¹³

Адмирал В. Чернавин в материале, посвященном данной проблеме, констатировал следующее:

После Великой Отечественной войны, и особенно в период «холодной войны», некоторые историки писали, что поставки по ленд-лизу имели для нас небольшое значение: они составляли, дескать, всего 4% объема валовой промышленной продукции СССР в 1941–1945 гг. И это действительно так. Но по отдельным видам вооружений эти показатели были значительно выше: по автомобилям – 70%, танкам – 12%, самолётам – 10%, а по морской авиации – 29%.

Из Великобритании, США и Канады в нашу страну было поставлено:

Самолётов	22 195
Танков	12 990
Автомашин	свыше 500 000
Различного типа орудий	5 000

Кроме того, от союзников поступило огромное количество снарядов, взрывчатки, обмундирования, медикаментов и т.д.¹⁴

¹³ Н. Бутенина. Сколько же мы должны? (Электронная версия).

¹⁴ В. Чернавин. Ленд-лиз в системе второй мировой войны. (Электронная версия).

Полагаю, что в связи с рассмотрением вопроса о значении поставок союзниками Советскому Союзу военной техники, горючего, продовольствия и других различных материалов, необходимых для ведения войны, стоит привести оценку, данную Микояном, непосредственно занимавшимся этими вопросами. Российский историк Г.А. Куманев задал ему в 70-е годы вопрос:

— А как Вы оцениваете ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в годы Великой Отечественной войны?

— Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, я оцениваю очень высоко, — ответил Микоян. — Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы.

И, поясняя свое утверждение, добавил:

— Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые виллисы и амфибии. Вся наша армия фактически оказалась на колесах и каких колесах! В результате повысилась её манёвренность и заметно возросли темпы наступления.

— Да-а... — задумчиво протянул Микоян. — Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали¹⁵.

Такова в самых общих чертах картина с поставками нам союзниками, прежде всего Соединенными Штатами, вооружения, техники, автомобилей и многоного другого, в чем крайне нуждалась наша страна. Поэтому как чрезмерное преувеличение, так и нигилистическое отрицание важного значения для СССР поставок по ленд-лизу следует отвергнуть как несостоительные. Ведь совсем не случайно в переписке Сталина с Рузвельтом и Черчиллем проблемы поставок и организации прохода конвоев, доставлявших соответствующие материалы, не просто фигурировали как важные, но и вызывали порой серьезные разногласия и упреки советской стороны. Это вызывалось тем, что союзники частенько нарушали свои обязательства, чем затрудняли действия наших войск.

Приведу пару примеров. Так, с марта по ноябрь 1943 года США и Англия вновь, как это было и в 1942 году в период Сталинградского сражения, приостановили посылку в СССР конвоев северным морским путем, что означало фактическое прекращение поставок Советскому Союзу вооружения. Черчилль сообщил главе Советского правительства 1 октября 1943 г. о намерении Англии возобновить с ноября 1943 г. отправку конвоев в северные порты СССР. Он сопроводил свое сообщение лестными словами в адрес Советского Союза и его армии, как бы пытаясь сгладить неприятности, возникшие в связи с приостановкой поставок. Черчилль писал Сталину: «С 22 июня 1941 года мы неустанно старались, несмотря на наше собственное тяжелое бремя, помочь Вам защищать Вашу страну от жестокого вторжения гитлеровской банды, и мы никогда не переставали признавать и провозглашать великие преимущества, которые мы получили bla-

¹⁵ Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М. 1999. С. 38.

тодаря замечательным победам, одержанным Вами, и благодаря смертельным ударам, которые Вы нанесли германским армиям”¹⁶.

Но Сталин, как говорится, не клюнул на эту удочку. Он исходил из того, что военные поставки – это не милость со стороны союзников, а их обязательство и вместе с тем вклад в борьбу против общего врага. Поэтому с нескрываемым раздражением он ответил Черчиллю: “Получил Ваше послание от 1 октября с сообщением о намерении направить в Советский Союз северным путем четыре конвоя в ноябре, декабре, январе и феврале. Однако это сообщение обесценивается Вашим же заявлением о том, что намерение направить в СССР северные конвои не является ни обязательством, ни соглашением, а всего лишь заявлением, от которого, как можно понять, британская сторона может в любой момент отказаться, не считаясь с тем, как это отразится на советских армиях, находящихся на фронте. Должен сказать, что я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Поставки Британским Правительством в СССР вооружения и других военных грузов нельзя рассматривать иначе, как обязательство, которое в силу особого соглашения между нашими странами приняли на себя Британское Правительство в отношении СССР, выносящего на своих плечах вот уже третий год громадную тяжесть борьбы с общим врагом союзников – гитлеровской Германией”¹⁷.

Не стану более детально распространяться об антигитлеровской коалиции, поскольку в дальнейших разделах данной главы различные аспекты ее деятельности и роль в ней Сталина будут рассмотрены достаточно подробно. Следует лишь отметить следующее.

Основные проблемы совместной англо-американской военно-политической стратегии в борьбе со странами блока агрессоров решались на встречах глав правительств США и Великобритании. Согласованный курс англо-американской стратегии, выработанный на конференции в Вашингтоне 22 декабря 1941 – 14 января 1942 года, исходил из признания Германии главным противником в войне, а района Атлантики и Европы – решающим театром военных действий. Однако оказание помощи Советской Армии, нёсшей главную тяжесть борьбы, намечалось лишь в форме усиления воздушных налётов на Германию, её блокады и организации подрывной деятельности в оккупированных странах. Предполагалось подготовить вторжение на континент, но не ранее 1943 года, либо из района Средиземного моря, либо путём высадки в Западной Европе. Советская Армия, весь советский народ стойко противостояли основным вооруженным силам фашистского блока.

Вся внешнеполитическая деятельность Сталина была ярким и убедительным образцом выполнения союзнических обязательств по антигитлеровской коалиции. Однако твердая сталинская линия внутри атлантической коалиции нередко сталкивалась с линией реакционных кругов западных держав, стремившихся подчинить ведение войны и решение послевоенных проблем своим эгоистическим интересам. Борьба эта проходила на протяжении всей войны по важнейшим направлениям – при определении целей войны, согласовании военных планов, выработке основ послевоенного урегулирования, по вопросам будущего германского государства, по определению границ, наказания военных преступников, выплаты репараций и многим-многим другим вопросам. Надо удивляться не тому, как много было разногласий в антигитлеровской коалиции, а скорее тому, как их

¹⁶ Переписка... Т. 1. С. 199.

¹⁷ Переписка... Т. 1. С. 205.

удавалось разрешать. И надо отдать должное Сталину – он внес огромный вклад в деятельность антигитлеровской коалиции, в каком-то смысле был едва ли не главным локомотивом, благодаря которому коалиция не распалась под ударами противоречий и разногласий, а, наоборот, неуклонно, преодолевая препятствия и трудности, двигалась вперед к намеченной цели – поражению гитлеровской Германии и ее союзников, а затем и милитаристской Японии.

Сталин при подходе к проблемам антигитлеровской коалиции в полной мере учитывал тот факт, что в ней объединены в каком-то смысле разнородные силы, между которыми имеются серьезные противоречия, прежде всего социально-классового порядка. Однако при реалистическом подходе с обеих сторон эти противоречия не должны были служить препятствием для единства в борьбе против агрессоров. Общие интересы, безусловно, должны были превалировать над разногласиями, даже принципиального характера. Это свое понимание природы и особенностей коалиции он сформулировал в ноябре 1942 года:

“Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу и она наверняка победила бы, если бы не было у неё одного органического недостатка, способного ослабить и разложить её. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно. Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага, несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действия англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на её базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточна.

Предположение этих людей неправильно ещё и потому, что оно полностью опровергается событиями истекшего года. В самом деле, если бы эти люди были правы, мы наблюдали бы факты прогрессивного отчуждения друг от друга членов англо-советско-американской коалиции. Однако мы не только не наблюдаем этого, а наоборот, мы имеем факты и события, говорящие о прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции и объединении их в единый боевой союз. События истекшего года дают прямое к тому доказательство. В июле 1941 г., через несколько недель после нападения Германии на СССР, Англия заключила с нами соглашение “О совместных действиях в войне против Германии”. С Соединёнными Штатами Америки мы ещё не имели тогда никаких соглашений на этот предмет. Через 10 месяцев после этого, 26 мая 1942 г. во время посещения Англии т. Молотовым, Англия заключила с нами “Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны”. Договор этот заключён на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией. В июне 1942 года, во время посещения США т. Молотовым, Соединённые Штаты Америки подписали с нами “Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрес-

ции", соглашение, делающее серьёзный шаг вперёд в отношениях между СССР и США¹⁸.

Ход событий не только не опроверг прогноз Сталина, но и подтвердил его правильность и дальновидность. Антигитлеровская коалиция – уникальное в своем роде явление в мировой политике. При осуществлении своей стратегии в отношении этой коалиции Stalin проявил себя как крупный политик, ни в чем не уступавший таким фигурам, как Черчилль, Рузельт и де Голль. И не только не уступал им, но даже порой превосходил их, о чём любой объективный читатель найдет немало свидетельств в воспоминаниях Черчилля, де Голля, в исторических документах того периода.

Эти деятели в своих странах, да и в мире в целом, пользуются всеобщим признанием. У нас же для оценки Сталина даже в тех вопросах, где он твердо, последовательно и искусно отстаивал государственные интересы страны, как правило, не находится слов одобрения. Напротив, все сосредоточено на том, чтобы выискивать какие-то злые умысли и коварные мотивы. Такой подход к оценкам исторических событий и личностей свидетельствует только против тех, кто применяет его.

2. Политико-дипломатические баталии по вопросу о втором фронте

Поистине титанические усилия Сталина были направлены на то, чтобы добиться скорейшего открытия союзниками второго фронта. Верховный Главнокомандующий, очевидно, исходил из двух наиболее возможных вариантов развития событий в данном вопросе. С одной стороны, он полагал, что союзники, в первую очередь Великобритания, сами прямо и непосредственно заинтересованы в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, поскольку угроза со стороны последней оставалась реальной опасностью для них. С другой стороны, здравый смысл и богатый политический опыт говорили в пользу того, что союзники будут как можно дольше тянуть с открытием второго фронта с тем, чтобы как Германия, так и Советский Союз в максимальной степени ослабили свои силы как в военном, так и в экономическом отношении. Это создавало почву для того, чтобы в дальнейшем можно было использовать этот фактор в качестве эффективного инструмента давления, в том числе и на своего союзника – Советскую Россию.

Оба эти варианта развития лежали в основе военно-политической стратегии Сталина. Для СССР вопрос о втором фронте имел жизненно важное значение, особенно в период 1941–1942, да частично и 1943 годов. И вполне естественно, что он находился в эпицентре внешнеполитической деятельности Сталина, занимал в ней приоритетное место. Ибросая ретроспективный взгляд на историю и эволюцию этой проблемы, есть веские основания сделать общий вывод: вопрос о скорейшем открытии второго фронта явился именно тем вопросом, где Сталину не удалось добиться цели в то время, когда данная проблема была особенно актуальна. Надо учесть еще одно обстоятельство: скорейшее открытие второго фронта выступало не только в качестве важной военно-стратегической и политической задачи, от этого зависело, сколько человеческих жизней могло быть спасено. Так что союзники, оттягивая открытие второго фронта, брали на себя,

¹⁸ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 72–74.

помимо всего прочего, большую моральную ответственность перед народами антигитлеровской коалиции. И здесь едва ли помогут самые изощренные доводы и оправдания, целью которых было обосновать или просто объяснить их стратегию в данном вопросе. Здесь правда истории, безусловно, на стороне Сталина. И она в полной мере подтверждает правильность его стратегии и настойчивость усилий, которые он принес на алтарь скорейшей победы над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

В ноябре 1942 года Stalin с полным правом говорил: “Часто спрашивают: а будет ли всё же второй фронт в Европе. Да, будет, рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и, прежде всего, потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что после того, как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободолюбивых стран, в том числе – для самих союзников”¹⁹. Особенно настойчиво Верховный добивался от союзников скорейшего открытия фронта в Европе после известных неудач наших войск в 1941 году. Может быть, желая несколько запутать союзников, он писал Черчиллю 3 сентября 1941 г.: “Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом”²⁰.

Конечно, Stalin явно сгущал краски, рисуя перспективу поражения Советского Союза, если союзники в самое ближайшее время не откроют второй фронт. Однако оснований для такого сгущения красок было немало. Не случайно именно в это время советский лидер выдвинул еще один план, нацеленный на то, чтобы облегчить положение советских войск. Суть его он изложил в послании Черчиллю также в сентябре 1941 года. Вот его содержание: “Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

¹⁹ И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 70.

²⁰ Переписка... Т. I. С. 29.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помошь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества²¹.

Однако эти призывы советского лидера можно было бы назвать гласом вопиющего в пустыне. Черчилль фактически игнорировал предложения Сталина, прибегая к самым различным доводам, прежде всего неготовности союзников в данное время осуществить подобного рода действия. Впрочем, при желании всегда можно найти массу аргументов. Даже на первый взгляд и убедительных, чего не скажешь о доводах Черчилля.

И нет ничего удивительного, что Сталин с каждым днем все больше терял терпение и его уже не могли сдержать рамки так называемой дипломатической вежливости. В ноябре 1941 года он отправил Черчиллю послание, которое было пронизано не столько чувством огорчения, но скорее, негодования и неприкрытоГО недовольства. При этом Сталин, используя, разумеется, дипломатическую фразеологию, откровенно высказал свою оценку сложившейся ситуации. “Я согласен с Вами, — писал он главе английского кабинета, — что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами”²².

Следует подчеркнуть, что со стороны президента США Рузвельта глава советского правительства встречал (по крайней мере, чисто внешне) больше понимания, нежели со стороны Черчилля. Однако это понимание фактически в плане реальных результатов оказалось той порой также малопродуктивным. Рузвельт писал Сталину: “Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом”²³.

Словом, по дипломатическим каналам шла оживленная переписка между лидерами двух стран как по вопросу открытия второго фронта, так и по другим важным проблемам взаимоотношений. В декабре 1941 года в Москву был направлен министр иностранных дел Англии А. Иден, чтобы провести переговоры с советскими руководителями. Для того, чтобы несколько оживить тематику изложения, приведу один эпизод, свидетелем которого был посол И. Майский — участник переговоров с Иденом.

²¹ Переписка... Т. 1. С. 32.

²² Переписка... Т. 1. С. 42–43.

²³ Переписка... Т. 2. С. 29.

Он вспоминал впоследствии:

«Сталин устроил в честь Идена большой обед в Кремлевском дворце. За длинным столом кроме английской делегации сидели члены Политбюро, наркомы, генералы. Председательское место занимал Сталин. Справа от Сталина сидел Иден, рядом с Иденом сидел я и являлся для них обоих переводчиком. Сталин произнес главный тост в честь британского министра иностранных дел. В конце обеда отвечал Иден тостом за хозяев.

В самом начале обеда произошел забавный инцидент. На столе перед Иденом в числе других вин стояла большая бутылка перцовки. Желтоватый цвет жидкости несколько напоминал шотландское виски. Иден заинтересовался этой бутылкой и спросил Сталина:

— Что это такое? Я до сих пор не видел такого русского напитка. Сталин усмехнулся и с искринкой в глазах ответил:

— А это наше русское виски.

— Вот как? — живо откликнулся Иден. — Я хочу его попробовать.

— Пожалуйста.

Сталин взял бутылку, налил Идену бокал. Иден сделал большой глоток. Боже, что с ним стало! Когда Иден несколько отдохнул и пришел в себя, Сталин заметил:

— Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать²⁴.

Но это — своего рода отвлечение в сторону от основной линии изложения, хотя надо сказать, история складывается не только из одних серьезных событий и эпизодов, но и всякого рода второстепенных и даже курьезных моментов, позволяющих воссоздать реальную картину того времени.

В том же 1942 году Англию и США посетил Молотов. В Лондоне был заключен договор о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.²⁵ Это уже был определенный шаг в направлении углубления отношений путем взятия определенных юридических обязательств. Из Лондона Молотов вылетел в США, где провел переговоры с Рузвельтом и другими американскими официальными лицами. В отчете Молотова о переговорах в Лондоне в мае 1942 года отмечалось, что Черчилль расспрашивал его «о том, каковы методы работы Сталина». А через несколько дней в Вашингтоне Рузвельт говорил Молотову: «Для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени — Сталиным. Он, Рузвельт, не мог этого до сих пор осуществить, но он верит, что эта встреча еще состоится. Он провозглашает тост за руководителя России и русских армий, за великого человека нашего времени, за Сталина»²⁶.

Однако тосты и приветствия никак не могли заменить собой второй фронт. Сталина интересовали не столько дифирамбы в его честь, сколько реальный вклад союзников в дело скорейшего разгрома гитлеровской Германии. Поэтому тон его посланий Черчиллю становился все более жестким и требовательным. Так, в послании от 23 июля 1942 г. он без всяких эквиоков писал: «Что касается второго вопроса, а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь,

²⁴ И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. С. 629.

²⁵ См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 235–238.

²⁶ О.А. Ржешевский. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М. 1997. С.141, 179.

что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год.

Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании.

И. СТАЛИН²⁷.

Чтобы подвести своеобразное резюме и в более полном виде представить позицию Сталина в данном вопросе, целесообразно, на мой взгляд, привести еще одно послание главы Советского правительства. Значимость этого послания состоит не только в жесткой и откровенной постановке вопроса, но и в убедительности аргументации, к которой прибег Сталин. «Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. – писал глава правительства СССР. – Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра.

И. СТАЛИН²⁸.

Но аргументы Сталина не были приняты во внимание, хотя, надо сказать, что отнюдь не все английские отговорки носили злонамеренный и откровенный характер бойкота и уклонения от выполнения своих обязательств. На этот счет состоялись длительные дискуссии Черчилля со Сталиным во время его первого визита в Москву в августе 1942 года. Они также, будучи полезными в плане установления личных контактов и прояснения позиций сторон, не внесли каких-либо

²⁷ Переписка... Т. I. С. 69.

²⁸ Переписка... Т. I. С. 74.

кардинальных перемен в планы западных союзников отложить открытие второго фронта в 1942 году. Российский историк В. Золотарев считает, что уверенность (на мой взгляд, надо было бы сказать – надежды, а не уверенность – Н.К.) Сталина в открытии второго фронта в 1942 г. вряд ли имела достаточно оснований. Это объяснялось отсутствием необходимого количества войск США на Британских островах; реальной угрозой срыва операции вермахтом и преимуществом на этом фоне высадки войск в Северной Африке, где им противостояли малочисленные и трудноснабжаемые итalo-германские войска; тяжелым положением западных союзников на азиатско-тихоокеанском театре, которое начало изменяться к лучшему только во второй половине 1942 г.; наконец, политикой сбережения собственных сил, прежде всего за счет советского союзника.²⁹

Доводы российского историка, на мой взгляд, хотя и выглядят внешне убедительными, в действительности же являются лишь фактическим пересказом аргументов, которые выставляли сами союзники. Лишь последнее соображение – о сбережении собственных сил – воспринимается как вполне бесспорное и, на мой взгляд, решающее.

Своевременное открытие второго фронта могло бы не только оказать существенную помощь СССР, который нёс основную тяжесть войны против фашистской Германии и её союзников, но и значительно ускорить разгром фашистского блока, сократить продолжительность войны, а значит, количество жертв как со стороны Советской России, так и со стороны союзников. Однако правящие круги США и Великобритании, несмотря на требования своих народов быстрее начать военные действия в Западной Европе, уклонились от выполнения взятых на себя обязательств. Вскоре после переговоров они приняли одностороннее решение перенести открытие второго фронта на 1943 год. Вместо создания второго фронта англо-американские войска высадились в 1942 году в Северной Африке, а в 1943 году на Сицилии и в Южной Италии, где отвлекли на себя лишь незначительные силы вермахта (6–7%).

Решающим аргументом в пользу открытия второго фронта явились блестящие победы советских войск над вермахтом, прежде всего Сталинградская битва и победа под Курском и Орлом. Это были не аргументы слов, а аргументы дел и великих свершений в военных действиях. А такие аргументы не могли не подействовать на союзников, прежде всего на Черчилля. У руководителей западных держав складывалось убеждение (и это вполне закономерно), что советские армии и без вторжения союзных войск способны нанести окончательное поражение Германии. Об этом свидетельствуют, например, слова президента Рузвельта своему сыну Элиоту, сказанные им осенью 1943 года: "...Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится".³⁰ Стоит сослаться и на мнение посла США в СССР А. Гарримана: "Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников"³¹.

В конечном счете, новый поворот в событиях на театрах военных действий в войне дал основание Сталину заявить в ноябре 1943 года следующее:

"В этом году удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Вместе с тем союзники подверга-

²⁹ "Новая и новейшая история". 2005 г. № 2. С. 128.

³⁰ Э. Рузвельт. Его глазами. М. 1947. С. 161.

³¹ David Eisenhower . Eisenhower at war 1943–1945. N.Y. 1986. p. 16.

ли и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага. Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьем, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт. Но это все же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое единство Союзных государств.

Таким образом, события истекшего года показывают, что антигитлеровская коалиция является прочным объединением народов и основана на крепком фундаменте.

Теперь уже для всех очевидно, что гитлеровская клика, развязав нынешнюю войну, завела Германию и ее прихвостней в безысходный тупик. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте и удары наших союзников по итalo-немецким войскам потрясли все здание фашистского блока, и оно теперь разваливается на наших глазах³².

На этом высказывании, казалось, можно было бы поставить точку, чтобы завершить рассмотрение вопроса о борьбе советского лидера за скорейшее открытие второго фронта. Однако окончательно этот вопрос был решен только на Тегеранской конференции, причем и после этого окончательного решения вопрос все же не был исчерпан до конца и вызывал различные споры и обсуждения конкретных аспектов, связанных с практическим осуществлением данной задачи. Поскольку в данной главе я буду в суммарном виде рассматривать ход и итоги трех важнейших встреч лидеров СССР, США и Великобритании в ходе и после войны — Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, — мне в разделе о Ялтинской конференции еще придется мимоходом коснуться вопроса о втором фронте — именно там он получил свое окончательное решение.

3. Вопрос о сепаратном мире с Германией

Проблему заключения сепаратного мира с Германией и проведение закрытых и строго секретных переговоров и зондажей на этот счет, которые велись союзниками в разные периоды войны, я намерен рассмотреть в самом сжатом виде. Главное внимание сосредоточу на том, как Сталин рассматривал эту проблему и как он реагировал на факты, которые становились известны ему. Но, во-первых, следует с самого начала подчеркнуть, что Сталин был категорически против любых сепаратных переговоров с недобитыми фашистскими лидерами. Он прекрасно понимал, что в условиях непрерывных поражений германских войск ее руководители непременно прибегнут к попыткам заключить с нашими союзниками сепаратный мир, играя на существовании реальных противоречий в антигитлеровской коалиции. Прежде всего они делали ставку на антисоветизм и антисоветизм, который отнюдь не исчез на Западе с началом второй мировой войны. Там еще остались достаточно влиятельные силы, испытывавшие к нашей стране не просто неприязнь, а чувство ненависти и полного отторжения. Словом, ка-

³² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 122.

кая-никакая, но объективная предпосылка для гипотетической сепаратной сделки существовала. Хотя надо признать, что реальных шансов на ее успех было слишком мало. И причина коренилась в том, что перед всем миром нацизм обнажил свое подлинное обличье, и уже в силу этого сделку с ним трудно было не только оправдать, но даже объяснить.

Весьма примечательно, что тема о мнимых сепаратных переговорах между Советским Союзом и фашистской Германией в некоторых органах печати западных стран поднималась не раз. Москва не откликалась на каждый такой "политический чих". Более того, она не обращала на эти вздорные вымыслы внимания — а это тоже являлось одним из средств борьбы с такими клеветническими измышлениями. Но порой Сталин отходил от этого правила. Так было на московской конференции министров иностранных дел трех держав 30 октября 1943 г. Работавший тогда переводчиком Сталина В. Бережков писал в своей книге следующее:

"В саркастических тонах Сталин опроверг циркулировавшие в некоторых странах слухи о том, что будто Советский Союз и гитлеровская Германия могут заключить сепаратный мир. Хэлл (тогда госсекретарь США — Н.К.) сказал, что все, кто хоть немного знает советский народ и историю взаимоотношений с гитлеровской Германией, убеждены, что советские люди никогда не заключат сепаратного мира. Однако Иден насупился и промолчал.

Сталин, бросив быстрый взгляд на британского министра иностранных дел, заметил, что ему очень приятна такая уверенность Хэлла, и еще раз повторил, что распространение подобных слухов — величайшая глупость.

Думаю, Сталин специально выбрал данный момент, чтобы коснуться слухов о сепаратных переговорах с гитлеровской Германией. Ведь тогда вновь появились сведения о контактах между гитлеровскими эмиссарами и представителями Англии и США в ряде нейтральных стран. В частности, оживленные переговоры с нацистскими агентами вел в Женеве резидент разведки США Аллен Даллес. Заговорив об этих слухах, Сталин, видимо, хотел прощупать Хэлла и Идена, а возможно, и получить от них определенное заявление на этот счет. Но ни тот, ни другой не развивали эту тему, сделав вид, что не поняли намека"³³.

Сталин понимал, что отнюдь не исключена вероятность того, что фашистские заправили попытаются вступить в сепаратные переговоры с нашими союзниками. Любопытную деталь сообщает советский разведчик А. Феклисов. Он пишет, что перед отъездом в США резидента советской разведки Зарубина вместе с начальником разведки Фитинным принимал Сталин. Он определил: главные усилия резидентура в США должна направить на то, чтобы помочь выиграть войну, и поставил конкретные задачи:

- следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза;
- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

³³ В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории. М. 1984. С. 209

Сталин также отметил, что советское правительство заинтересовано в получении секретной информации и по многим другим вопросам, важно, чтобы это помогало приблизить разгром фашистской Германии и вскрывало тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира.³⁴

Вполне естественны и понятны такие инструкции сотрудникам разведки со стороны Сталина. Это говорит о том, что подобного рода опасность сепаратного сговора для него не являлась абсолютно исключенной. Тем более, что он сам в ноябре 1944 года счел необходимым специально остановиться на этой проблеме в своем докладе об очередной годовщине Октябрьской революции. Он говорил: “На всем протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противопоставить друг другу Объединенные Нации, вызвать среди них подозрительность и недружелюбие, ослабить их военные усилия взаимным недоверием, а если удастся — и борьбой друг с другом. Подобные стремления гитлеровских политиков вполне понятны. Для них нет большей опасности, нежели единство Объединенных Наций в борьбе против гитлеровского империализма, и для них не было бы большего военно-политического успеха, нежели разобщение союзных держав в их борьбе против общего врага. Известно, однако, сколь тщетными оказались потуги фашистских политиков расстроить союз великих держав. Это означает, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы.

Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет войны и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны”³⁵.

И такие испытания пришлось выдерживать. Хотя истины ради следует сказать, что это было делом отнюдь не легким и простым. Поскольку наши союзники по мере приближения крушения нацистской Германии все больше активизировали свои усилия в этом направлении. Приведу суммарные данные относительно секретных англо-американо-германских контактов, явившихся, по существу, видом сепаратных переговоров, проводившихся за спиной Советского Союза.

Англо-американо-германские контакты, тайные, осуществлялись США и Великобританией вопреки их союзническим обязательствам по антигитлеровской коалиции, с целью заключения сепаратного мира с Германией, использования её в последующем в качестве противовеса растущей военной и экономической мощи Советского Союза, его усиливавшегося политического влияния в Европе. Правители фашистской Германии при этом надеялись, что США и Великобритания дадут им в обмен на обещание защитить Запад от “угрозы большевизма” возможность выйти из войны без поражения.

Особенно интенсивно англо-американо-германские контакты развивались после поражения фашистской Германии под Сталинградом. В 1943–44 гг. англо-американо-германские контакты использовал Ватикан: своё посредничество папа Пий XII предложил президенту США Ф.Д. Рузвельту. Во 2-й половине 1943 года вопрос о заключении мира обсуждался на встречах в Ватикане посла Германии, бывшего заместителя министра иностранных дел Вайцзеккера, бывшего министра иностранных дел Италии Чиано с представителем США кардиналом Спелменом (последний встречался и с Риббентропом). В начале 1944 года Вайцзеккер

³⁴ См. Александр Феклисов. За океаном и на острове. Записки разведчика. М. 1994. С. 51–52.

³⁵ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 164–165.

продолжал переговоры с послами США и Великобритании в Ватикане. Аналогичные попытки предпринимались в феврале 1943 года в Испании на встречах Франко (предложившего Германии свои услуги) и министра иностранных дел Испании с английским послом. В феврале 1943 года в Швейцарии фашистский эmissар Гогенлоэ обсуждал со специальным уполномоченным правительства США А. Даллесом вопросы о будущем Австрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, о заключении мира с Германией (при этом предполагалось, что Германия будет по-прежнему господствовать в Восточной Европе; планировалось путём расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии поддержать создание “санитарного кордона” против “большевизма и панславизма”). Связи с реакционными силами в правящих кругах США имела и группа заговорщиков в Германии (пытавшихся устранить Гитлера): в разработке их планов участвовал Даллес; через швед. банкира Валленберга они установили контакт и с представителями правительства Великобритании. В июле 1944 года Даллес сообщил в Вашингтон, что в случае успеха заговора немецкие войска приступят к планомерному отступлению на западе, в то время как на востоке будут сконцентрированы лучшие их дивизии.

Зимой 1944—45 годов имела место телеграфная переписка Кейтеля (выступал от имени командующих трёх родов войск) с генералом Д. Эйзенхаузером и генералом Б. Монтгомери о заключении на Западном фронте перемирия, с тем чтобы германское командование могло попытаться нанести Советской Армии уничтожающий удар между Вислой и Одером. Монтгомери выразил согласие с этим предложением при условии пропуска войск США и Великобритании к западным границам Германии (на что немецкое командование не пошло). 8 марта 1945 г. по приглашению Даллеса в Цюрих с согласия Гитлера прибыл главный представитель СС при армейской группе “Ц” в Италииobergruppenfюрер Вольф. При участии заместителя начальника штаба армии США генерала Лемнитцера и заместителя начальника штаба 8-й Британской армии, руководителя английской секретной службы в Италии состоялось обсуждение вопросов о перемирии на Западном фронте. 12 марта 1945 г. Советское правительство, узнав об этих встречах, потребовало от союзников участия в них советских представителей.³⁶

В дело непосредственно вмешался Сталин, ибо дело носило не какой-то частный характер, а затрагивало принципы отношений между союзниками и нормы соглашений, заключенных между ними. По этому вопросу он имел переписку с президентом Рузвельтом (Черчилль, видимо, как наиболее ярый поборник таких контактов как-то остался в стороне). 29 марта 1945 г. Сталин направил президенту послание, в котором, в частности, говорилось:

“Но я согласен на переговоры с врагом по такому делу только в том случае, если эти переговоры не поведут к облегчению положения врага, если будет исключена для немцев возможность маневрировать и использовать эти переговоры для переброски своих войск на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт.”

Только в целях создания такой гарантии и было Советским Правительством признано необходимым участие представителей Советского военного командования в таких переговорах с врагом, где бы они ни происходили — в Берне или Казерте. Я не понимаю, почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и чем они могли бы помешать представителям союзного командования.

³⁶ См. Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. С. 49.

К Вашему сведению должен сообщить Вам, что немцы уже использовали переговоры с командованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт.

Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется Советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александром. Это обстоятельство нервирует Советское командование, создает почву для недоверия.

...Должен Вам сказать, что, если бы на восточном фронте где-либо на Одере создались аналогичные условия возможности капитуляции немцев и открытия фронта советским войскам, я бы не преминул немедленно сообщить об этом англо-американскому военному командованию и попросить его прислать своих представителей для участия в переговорах, ибо у союзников в таких случаях не должно быть друг от друга секретов”³⁷.

Но Рузвельт, очевидно, не без воздействия некоторых своих советников и, конечно, Черчилля фактически отверг все обвинения и аргументы советской стороны. Сталин через несколько дней снова был вынужден вернуться к этой теме, учитывая ее важность как саму по себе, так и в качестве прецедента на будущее – при обсуждении условий общей капитуляции нацистской Германии.

3 апреля он направил послание Рузвельту, в котором твердо было заявлено:

“Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия. Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами. Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников – русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией – с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь,

³⁷ Переписка... Т.2. С. 214-215.

что я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками”³⁸.

Рузвельт в послании Сталину поставил под сомнение достоверность информации, которой снабжали Сталина по этому вопросу. Сталин ответил четко и недвусмысленно: “Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле”³⁹.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря хорошей работе нашей разведки, а также благодаря бдительности, настойчивости и твердости Сталина затея сепаратными переговорами провалилась. В этой обстановке правящие круги США и Великобритании были вынуждены прекратить контакты с Вольфом. Помимо перечисленных, имели место и другие англо-американо-германские контакты, преследовавшие те же цели.

Скрывая от СССР свои тайные контакты с фашистами, правительства США и Великобритании иногда информировали Москву о второстепенных связях с Германией, изображая их как “пробные шары” к перемирию со стороны последней. Закулисная деятельность союзников была сорвана решительными и бескомпромиссными действиями Сталина и прежде всего успехами нашей армии на фронте.

Вне поля моего внимания я оставляю тщетные попытки высших фашистских руководителей добиться сепаратного мира с Германией, когда ее поражение стало очевидным даже самым тупым среди нацистских идиотов. Это уело бы меня в дебри, из которых трудно было бы выбраться. Да и по существу данный аспект не имеет прямого отношения к деятельности Сталина в период войны.

4. Рospуск Коминтерна

С началом второй мировой войны компартии выступили как наиболее последовательная и организованная антифашистская сила. В указаниях компартиям оккупированных агрессорами стран руководство Коммунистического Интернационала ориентировало их на объединение всех здоровых сил народа для борьбы против оккупантов, за восстановление национальной независимости, в защиту жизненных интересов трудящихся. При этом подчёркивалась необходимость добиваться, чтобы ведущую роль в антифашистском, национально-освободительном движении играл рабочий класс во главе с компартиями. Следуя указаниям Коминтерна, компартии к весне 1941 г. сделали первые важные шаги по объединению народов на антифашистскую борьбу.

После нападения Германии на СССР Секретариат ИККИ 22 июня 1941 г. обсудил вопрос о задачах компартий, принял решение о перестройке работы аппарата ИККИ. В то же время Исполком Коминтерна направил компартиям письма-обращения, в которых указывал, что вероломное нападение Германии на СССР является ударом не только против страны социализма, но и против свобо-

³⁸ Переписка... Т. 3. С. 220–221.

³⁹ Там же. С. 224.

ды и независимости всех народов мира. Поэтому борьба Советского Союза одновременно являлась и защитой всех порабощенных фашизмом народов, а также защитой всех, кому угрожал фашизм.

Исполком определил задачи компартий стран, вставших на путь сотрудничества с СССР в борьбе против Германии: противодействовать агрессии, обеспечивать всемерную поддержку советскому народу в его справедливой войне, вести борьбу против любых пособников фашизма. Исполком ориентировал компартии на развертывание кампаний за образование мощной коалиции государств и народов с целью разгрома блока агрессоров. Компартиям государств фашистского блока Коминтерн предлагал усилить борьбу против фашистских режимов, за их свержение, за поражение нацистской Германии и её союзников. В письмах-обращениях к компартиям нейтральных стран ИККИ призвал их разъяснять народам своих стран, что Советский Союз выступает единственным защитником свободы и независимости малых народов от посягательств гитлеровской Германии.

В декабре 1941 года Секретариат ИККИ призвал коммунистов оккупированных стран отдать все силы задаче “изгнания захватчиков и завоевания своей национальной независимости”.

Создание по инициативе коммунистов в ряде стран национальных антифашистских народных фронтов свидетельствовало о правильности выработанной стратегии и тактики. Компартии явились авангардной и самой активной силой движения сопротивления, возглавили и сплотили его демократическое крыло, создали военные организации и освободительные армии (действовавшие в Югославии, Греции, Албании, Польше, Франции, Бельгии, Дании, Болгарии, Италии). Коминтерн оказывал компартиям постоянную помощь в разработке основных направлений политики, кадрами, пропагандистскими материалами и т. п.; выступил инициатором организации и обучения партизанских групп добровольцев из политэмигрантов – членов зарубежных компартий, находившихся в СССР (впоследствии многие из них непосредственно включились в движение сопротивления, стали организаторами антифашистской борьбы). Специальные группы антифашистов для действий в тылу врага были направлены в Болгарию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Австрию, Германию и некоторые другие страны.

Рост компартий, необходимость быстро и оперативно решать конкретные вопросы антифашисткой борьбы, повышение роли компартий в борьбе за общегосударственные интересы требовали от них максимальной самостоятельности и инициативы. Приняв в мае 1943 г. решение о распуске Коминтерна, его Исполком призвал всех сторонников Коминтерна “сосредоточить свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся – немецкого фашизма и его союзников и вассалов”⁴⁰.

Мотивы, лежавшие в основе решения о распуске Коминтерна, были достаточно глубоки и обоснованы. Имеются свидетельства, что еще накануне войны Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна высказал ряд серьезных аргументов в пользу того, чтобы рассмотреть вопрос о распуске этой организации. При этом Сталин исходил из того, что радикально изменились реальные условия, в которых само существование Коминтерна не только не служит фактором усиления сопротивления агрессии, но фактически сдерживает ее. Ибо отпугивает от движения против агрессии многие силы, испытывавшие недове-

⁴⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 362.

рие к коммунистам или даже страх перед ними. Нужно было устранить эти препятствия, снять все преграды, которые мешали сплочению всех антифашистских сил вне зависимости от их классовой или партийной принадлежности. Цепляться за старые, уже исчерпавшие себя формы, — значило заведомо сужать масштабы борьбы против агрессивных сил во всем мире. Это было главное, что обусловило принятие данного решения.

Российский историк Ф. Фирсов в статье, специально посвященной исследованию роли Сталина в эволюции Коминтерна и его политики, писал, что в апреле 1941 года Stalin высказался за то, чтобы распустить Коминтерн. Он обосновывал это необходимостью сделать компартии совершенно самостоятельными, чтобы они сами решали стоящие перед ними конкретные задачи. Сравнивая Коминтерн с I Интернационалом, Stalin заметил, что Коминтерн был создан в ожидании близкой международной революции. Теперь же для каждой страны на передний план выступают национальные задачи, а положение компартий как секций международной организации, подчиняющихся Исполкому Коминтерна, является помехой в их деятельности. Stalin говорил, что принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает буржуазии их преследование, изолирует от масс и мешает компартиям развиваться самостоятельно, решать свои задачи как национальным партиям.⁴¹

Разумеется, ситуация в мире в целом и в коммунистическом движении с началом Великой Отечественной войны радикальным образом изменилась. Она настоятельно диктовала необходимость отказа от привычных догм в работе, выработки принципиально новых методов и направлений всей деятельности коммунистических партий. Отныне главная цель, которой было подчинено все остальное, являлась борьба с фашистскими агрессорами. И провести коренную перестройку всей деятельности партий нужно было незамедлительно, ибо того требовало само время и объективно сложившаяся международно-политическая и военная обстановка.

Кроме того, Stalin понимал, что в новых условиях трудно, если вообще практически возможно, управлять коммунистическим движением из единого центра. Да и сами компартии многих стран уже приобрели большой опыт политической борьбы и не нуждались в руководстве из-за рубежа. Такое руководство лишь создавало дополнительные трудности в их деятельности.

Постановление о распуске Коминтерна было принято узким кругом руководителей весной 1943 года (в апреле уже готов был соответствующий документ) и предано гласности 22 мая. В официальном тексте также упоминалось о прошлых дискуссиях на эту тему. “Еще задолго до войны”, утверждалось в нем, становилось ясным, что “решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать неодолимые препятствия”. Это предвидение, говорилось далее в документе, было подтверждено опытом войны, которая поставила перед отдельными компартиями весьма различные задачи даже при том, что всех их объединяет единое стремление: ускорить разгром гитлеровской коалиции. В этой битве каждая партия лучше всего могла бы действовать “в рамках своего государства”. Коммунистическое движение поэтому должно отбросить “изжившие себя организационные формы”, ибо формы и методы организации коммунистов всегда должны подчиняться “коренным политическим интересам рабочего движения в целом”⁴².

⁴¹ История и сталинизм. Сборник статей. М. 1991. С. 196–197.

⁴² “Коммунистический Интернационал”. 1943 г. № 5–6.

В рядах коммунистического движения и за его пределами получило широкое распространение такое объяснение: распуск Коминтерна – это уступка Сталина в его стремлении способствовать делу укрепления антифашистской коалиции, поскольку таким путем он удовлетворял одно из давних требований новых союзников СССР. О том, что такого рода интерпретация являлась наиболее весомой причиной распуска Коминтерна, свидетельствует интервью Сталина, данное английскому журналисту.

Западные союзники, конечно, восприняли решение о распуске Коминтерна с явным удовлетворением. Хотя и не высказывались по этому поводу публично, что вполне объяснимо – чтобы не ставить Сталина в неловкое положение. Западная же пресса безоговорочно истолковала решение как уступку союзникам. Вместе с тем, как подчеркивают некоторые историки, не имеется явных признаков того, что Рузвельт или Черчилль открыто просили Сталина о таком акте: дипломатическое давление союзников на СССР носило, несомненно, упорный характер, но осуществлялось в более завуалированных формах. Распуск Коминтерна, таким образом, был воспринят на Западе положительно, как проявление стремления к сотрудничеству, хотя у западных деятелей так и не исчезло до конца подозрение, что это была просто тактическая уловка советских и иностранных коммунистов.

Все опрошенные партии одобрили решение о распуске, повторив в своих заявлениях аргументы официального постановления. Китайская компартия, однако, добавила к ним еще кое-что. Она была единственной партией, которая подчеркнула, что считает себя “освободившейся от обязанностей, вытекающих из Устава и решений конгрессов Коммунистического Интернационала”. “Китайские коммунисты, – добавила она, – давно уже имели возможность самостоятельно намечать политическую линию и проводить ее в жизнь исходя из конкретной обстановки и из специфических условий своей страны”⁴³.

Сталин в своем ответе на вопрос корреспондента английского агентства “Рейтер” изложил в лаконичном виде главные мотивы, лежавшие в основе решения о распуске Коминтерна. Его ответ достаточно краток, и я приведу его в полном виде.

“Господин Кинг!

Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся распуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

ВОПРОС. “Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?”

ОТВЕТ. Распуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма.

Распуск Коммунистического Интернационала правилен, так как

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладется конец.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

⁴³ Цит. по Джузеппе Бoffa. История Советского Союза. Т. 2. М. 1994. С.151.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением

И. СТАЛИН

23 мая 1943 года⁴⁴.

Завершить этот небольшой раздел мне хотелось бы выдержкой из книги Дж. Боффа, который, как мне кажется, хорошо уловил политический настрой Сталина того периода времени. Боффа писал: “Закат Коминтерна происходил в тот момент, когда благодаря военным победам 1943 года авторитет Советского государства и его вождя восходил к зениту. На протяжении последних лет перед этим судьбы коммунистического движения более чем когда-либо зависели от жизнеспособности и успехов СССР. Покинув опустевшие кабинеты Коминтерна, Димитров перебрался в здание, где помещалось руководство Коммунистической партии СССР. Партийные работники, которые спрашивали, как же будет осуществляться международная координация борьбы коммунистов, слышали в ответ, что остается СССР, остается Сталин. Возможно, Сталин действительно думал, что могущество Советского государства отныне настолько велико, что он лично сможет осуществлять руководство мировым коммунистическим движением, не нуждаясь в специальном международном аппарате. Как выяснилось позже, задача эта оказалась не из легких”⁴⁵.

Хотя вопрос о роспуске Коминтерна, на первый, поверхностный взгляд, как будто не имеет прямого отношения к развитию отношений между Советской Россией и союзниками, на самом деле это не так. Ликвидация Коминтерна как организации, вне всякого сомнения, способствовала устраниению лишних препятствий и преград, которых и без того было более чем достаточно в антигитлеровской коалиции. Теперь отпадали возражения тех противников сотрудничества с СССР, которые постоянно ссылались на коммунизм как угрозу, сопоставимую в чем-то с нацизмом. Одна из опор антисоветской пропаганды была выбита из-под ног тех, кто воспринимал сотрудничество с Советской Россией как угрозу принципам демократии. В сложившейся тогда обстановке, когда шла борьба за скорейшее открытие второго фронта, данный факт имел серьезное значение.

⁴⁴ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 107–108.

⁴⁵ Джузеппе Боффа. История Советского Союза. Т. 2. С. 152.

5. Сталин на встречах “большой тройки”

Приближение советских войск к государственной границе СССР со всей очевидностью свидетельствовало о том, что война близится к завершению, и решительно меняло военно-политическую и стратегическую расстановку сил на международной политической арене. Для правящих кругов США и Англии становилось все более ясным, что недалек тот день, когда Советская Армия, изгнав оккупантов со своей территории, сможет и без помощи союзников приступить к освобождению стран Европы. Победоносное продвижение советских войск усилило кризис в фашистском блоке и активизировало национально-освободительное движение в порабощенных Гитлером странах, подрывая тылы гитлеровской Германии.

Все это заставило западных союзников СССР пересмотреть проводимую ими до сих пор “периферийную стратегию”, предусматривавшую проведение операций в районах, удаленных от фашистской Германии, и приводившую на деле к затягиванию начала крупных военных действий вблизи рейха. Они сознавали, что дальнейшее промедление с открытием второго фронта чревато для них серьезными последствиями. В создавшихся условиях США и Англия считали необходимым начать переговоры с СССР, во время которых обсудить с ним наряду с вопросами, связанными с военными действиями, различные проблемы послевоенного урегулирования, с тем чтобы еще в ходе войны связать Советский Союз определенными обязательствами и обеспечить себе прочные позиции в Европе после войны.

Известный американский историк Р. Шервуд в своей книге “Рузвельт и Гопкинс” отмечал, что “завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы – которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне – Россия стала в ряды великих мировых держав... Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира”⁴⁶.

Московская конференция МИД трех держав (октябрь 1943 г.)

Сталин не являлся участником московской конференции в силу своего положения главы правительства. Но он неоднократно встречался с руководителями ведомств по иностранным делам США и Великобритании и таким образом оказывал решающее влияние на ход и исход этой конференции. Поскольку в дальнейшем мне предстоит осветить гораздо более важные встречи глав государств, то на московской конференции я остановлюсь лишь в самом общем виде. По-прежнему одним из важнейших вопросов оставался вопрос о сокращении сроков ведения войны путем открытия второго фронта. Нарушение союзниками обязательств по открытию второго фронта вызывало решительные протесты со стороны Советского правительства. Оно неоднократно обращало внимание союзников на то обстоятельство, что гитлеровская Германия из-за отсутствия второго фронта имеет возможность отправлять на советско-германский фронт все новые

⁴⁶ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М. 1958. С. 362.

и новые силы. Весной 1943 года на советско-германском фронте было сосредоточено уже около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий союзников Германии.

Тем не менее на состоявшейся в мае 1943 года конференции в Вашингтоне союзники приняли решение о новой отсрочке второго фронта, теперь уже до весны 1944 года. Это решение было затем подтверждено на конференции в Квебеке в августе 1943 года. После свержения Муссолини в 1943 году союзники пытались вообще отстранить СССР от выработки и даже своевременного осведомления об условиях капитуляции. Но по настоянию Сталина все же вынуждены были информировать Москву, которая дала свое согласие на условия капитуляции Италии.

Советский Союз также придавал большое значение вопросам послевоенного устройства мира, установлению такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии и обеспечивал бы безопасность народов, их свободу и независимость.

Одним из центральных вопросов конференции было согласование вопроса о встрече “большой тройки”, необходимость которой становилась все более очевидной. Stalin в этом вопросе занимал довольно неопределенную позицию. Хотя, конечно, выступал за проведение такой встречи. В послании Черчиллю в августе 1943 года он писал: “Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием Британского Правительства от 7 августа.

Я согласен с тем, что встреча глав трех правительств безусловно желательна. Такую встречу следует осуществить при первой же возможности, согласовав место и время этой встречи с Президентом.

Вместе с тем я должен сказать, что при данной обстановке на советско-германском фронте я, к сожалению, лишен возможности отлучиться и оторваться от фронта даже на одну неделю. Хотя мы имеем в последнее время на фронте некоторые успехи, от советских войск и советского командования требуется именно теперь исключительное напряжение сил и особая бдительность в отношении к вероятным новым действиям противника. В связи с этим мне приходится чаще, чем обыкновенно, выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта. При таком положении я не могу в данное время направиться для встречи с Вами и Президентом в Скапа-Флоу или в другой отдаленный пункт”⁴⁷.

Трудно сказать, какие соображения лежали в основе нежелания Stalin выезжать далеко за пределы страны для встречи со своими партнерами по коалиции. Кроме тех соображений, о которых он писал Черчиллю, возможно, были иные мотивы. Некоторые российские авторы высказывали предположения (фактом это назвать трудно), что Stalin в 1943 году перенес инсульт. Может быть, по соображениям состояния здоровья он не желал совершать длительные поездки, особенно за границу. Косвенным подтверждением этого (хотя и не очень убедительным) может служить один пассаж из его послания Рузвельту уже в связи с выбором места проведения конференции в начале 1945 года. Тогда он сделал такое признание: “Поскольку в данное время врачи не советуют мне предпринимать большие поездки, я вынужден с этим считаться”⁴⁸. В одном из посланий своим коллегам по коалиции Stalin жаловался на неблагоприятные последствия его полета в Тегеран. Тем самым не только намекая, но и прямо давая понять, что далеко от Москвы отлучаться он не намерен.

⁴⁷ Переписка... Т. 1. С. 170–171.

⁴⁸ Переписка... Т. 2. С. 176.

Немцы, со своей стороны всячески пытались муссировать слухи о болезни и даже смерти Сталина. Р. Иванов приводит примеры того, как распространялись подобные слухи или домыслы, которым пытались придать видимость достоверности. «Берлин вновь вернулся к вопросу о состоянии здоровья Сталина. На этот раз ссылка тоже делалась на Стокгольм. И, очевидно, не без оснований — апеллировать к мнению нейтрального Стокгольма было более убедительно, чем ссылаться на столицу какой-либо воюющей страны.

На этот раз речь шла о серьезной болезни Сталина. В сообщении говорилось, что в конце февраля или в начале марта во время своей обычной ночной работы Сталин потерял сознание и упал, к ужасу дежурного секретаря, возле своего стола. Немедленно вызванные врачи установили, что обморок произошел вследствие переутомления. Сталин поправился после припадка лишь через несколько дней. Предполагают, что с ним был легкий удар, ибо сперва Сталин потерял речь.

В сообщении говорилось, что на экстренном заседании Политбюро царило почти паническое настроение, пока из Ленинграда не прибыл Жданов и не было решено сохранять случившееся в тайне и немедленно назначить заместителя Сталина на его посту Верховного главнокомандующего Красной Армией. Именно в этой связи следует рассматривать назначение Жукова.

После того, как Сталин оправился от удара, отмечалось в сообщении, врачи, настоятельно рекомендовали ему несколько месяцев отдыха, однако Сталин отклонил это предложение, ссылаясь на современную обстановку. Ворошилову Сталин будто бы заявил, что в связи с состоянием его здоровья, учитывая мнение врачей, что удар может повториться, он придает особенное значение самому быстрому продвижению Красной Армии.

Все эти сведения, говорилось в заключение информации, были получены иностранными журналистами Стокгольма из советских кругов Лондона, которые непрерывно поддерживают личный контакт с Кремлем⁴⁹.

В этом контексте не вызывает удивления то обстоятельство, что в преддверии встречи на высшем уровне, планировавшейся провести в Тегеране, Сталин попытался добиться от союзников согласия на то, чтобы его там представлял Молотов. В ноябре 1943 года он писал Рузвельту: «На меня возложены обязанности Верховного Главнокомандующего советских войск, и это обязывает меня к повседневному руководству военными операциями на нашем фронте. Это особенно важно в данное время, когда непрерывная четырехмесячная летняя кампания переходит в зимнюю и военные операции продолжают развиваться почти на всем фронте протяжением 2600 километров. При таком положении для меня, как Главнокомандующего, исключена возможность направиться дальше Тегерана. Мои коллеги в Правительстве считают вообще невозможным мой выезд за пределы СССР в данное время ввиду большой сложности обстановки на фронте.

Вот почему у меня возникла мысль, о которой я уже говорил г-ну Хэллу. Меня мог бы вполне заменить на этой встрече мой первый заместитель в Правительстве В.М. Молотов, который при переговорах будет пользоваться, согласно нашей Конституции, всеми правами главы Советского Правительства. В этом случае могли бы отпасть затруднения в выборе места встречи. Надеюсь, что это предложение могло бы в настоящее время нас устроить»⁵⁰.

⁴⁹ Роберт Иванов. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. С 365.

⁵⁰ Переписка... Т. 2. С. 108.

Но я несколько отвлекся, сконцентрировав внимание на том, как неохотно Сталин соглашался покидать Москву. Возвращаясь к непосредственному сюжету нашего изложения, следует отметить, что на московской конференции по-прежнему центральным был вопрос о скорейшем открытии второго фронта, а также подготовительные шаги для организации встречи трех лидеров.

В то время на территории Западной Европы военные действия почти не велись, и советским вооруженным силам, по существу, с первых же дней войны, пришлось сражаться один на один с полчищами гитлеровской армии. Вот почему вопрос об открытии союзниками второго фронта, который мог бы оттянуть 30–40 немецких дивизий с Восточного фронта, неоднократно выдвигался Советским правительством на протяжении 1941–1943 гг. сначала перед британским кабинетом, а после вступления в войну Соединенных Штатов в декабре 1941 года и перед американским правительством, став в этот период главным вопросом межсоюзнических отношений СССР с этими державами.

Однако в правящих кругах этих стран в основном господствовало отрицательное отношение к оказанию активной помощи СССР; цели этих кругов заключались в том, чтобы, переложив на Советский Союз основную тяжесть войны, максимально ослабить и обескровить его и сохранить свои собственные силы для завершающего этапа войны.

Поэтому, несмотря на достигнутую во время визита народного комиссара иностранных дел в Лондон и Вашингтон договоренность об открытии второго фронта в Европе еще в 1942 году, США и Великобритания продолжали оттягивать начало крупных операций на Западе, нарушая тем самым взятые ими на себя обязательства удовлетворить законное требование правительства СССР. Нарушение союзниками обязательств по открытию второго фронта вызывало решительные протесты со стороны Советского правительства. Оно неоднократно обращало внимание союзников на то обстоятельство, что гитлеровская Германия из-за отсутствия второго фронта имеет возможность отправлять на советско-германский фронт все новые и новые силы. Весной 1943 г. на советско-германском фронте было сосредоточено уже около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий союзников Германии. Тем не менее на состоявшейся в мае 1943 г. конференции в Вашингтоне союзники приняли решение о новой отсрочке второго фронта, теперь уже до весны 1944 года.

На конференции в Москве серьезный спор возник по поводу фактического отказа Англии от осуществления договоренных поставок в Советский Союз. Сталин, не мешкая, направил английскому премьеру резкое и решительное послание, в котором было без всяких дипломатических эquivoков заявлено: "...отправка военных грузов северным путем в этом году почему-то и без того сократилась в несколько раз по сравнению с прошлым годом, что делает невозможным выполнение установленного плана военного снабжения и находится в противоречии с соответствующим англо-советским протоколом о военных поставках. Поэтому в настоящее время, когда силы Советского Союза напряжены до крайности для обеспечения нужд фронта в интересах успеха борьбы против главных сил нашего общего противника, было бы недопустимым ставить снабжение советских армий в зависимость от произвольного усмотрения британской стороны. Такую постановку вопроса нельзя рассматривать иначе, как отказ Британского Правительства от принятых на себя обязательств и как своего рода угрозу по адресу СССР"⁵¹.

⁵¹ Переписка... Т. I. С. 206.

На самой конференции Сталин счел необходимым еще более резко выразить Идену свое недовольство линией поведения английского правительства. Иден сам поставил этот вопрос, считая советскую реакцию неоправданно жесткой и несправедливой. Stalin отвечал, что спор между ним и премьером происходил не по вопросу о том, безусловно ли можно осуществить отправку транспортов. Спор шел о том, что Великобритания не выполнила обязательства и не дает обещания, а просто заявляет. “Мы поняли это так, — говорил Stalin, — что англичане считают себя свободными от своих обязательств, которые они взяли по договору с нами, а отправку транспортов считают подарком нам или милостью. Это непереваримо для нас. Мы не хотим ни подарков, ни милости, но мы просто просим выполнить по мере возможности свои обязательства”. Вторая сторона спора состоит в том, что Черчилль обиделся и не принял послания. Он, Stalin, понял это так, что Черчилль не хочет с ним переписываться”⁵².

В ответ британский министр заявил, что не так. Черчилль телеграфировал ему, Идену, что лучше будет, если он, Иден, займется этим вопросом в Москве. Он переложил на мои плечи всю ответственность в этом деле. Черчилль не был оскорблен, скорее был задет. “Маршал Stalin, — говорит Иден, — умеет наносить крепкие удары, когда он захочет”.

Stalin замечает: “Разве это удары” — и говорит, что у него не было намерения это сделать.⁵³

Как видно из приведенного выше обмена заявлениями, Stalin твердо и последовательно отстаивал интересы Советской России, не поддаваясь на различного рода ухищрения и тщательно продуманные английской стороной меры воздействия на Москву. Для советского лидера важны были прежде всего дела, а не заявления и тожественные заверения. В данном контексте характерен следующий обмен репликами между Staliniным и Иденом. “Иден говорит, что премьер-министр хочет сделать все, что в его силах, для борьбы против немцев.

Stalin говорит, что он не сомневается в этом. Но премьер-министр хочет, чтобы ему доставались более легкие дела, а нам, русским, — более трудные. Это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время”⁵⁴.

В конце беседы с советским лидером английский министр спрашивает, каково мнение маршала Stalina о конференции. Удовлетворен ли он ее ходом?

Stalin отвечает, что Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции. Stalin добавляет, что мы, во всяком случае, довольны тем, что надежды Гитлера на раскол между союзниками не оправдались.⁵⁵

Одним из позитивных результатов для Советской России итогов конференции явилось то, что Москва добилась от британской стороны согласия на заключение определенного вида договоров с другими странами, что диктовалось реально складывавшейся обстановкой. Причем, разумеется, речь шла не о каких-то сепаратных соглашениях с Германией и ее союзниками. Предложение Москвы сводилось к тому, что Советское правительство вместе с тем считает правом обоих государств, как Советского Союза, так и Соединенного Королевства, в целях

⁵² Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. (19–30 октября 1943 г.) М. 1978. С. 131.

⁵³ Там же. С. 131.

⁵⁴ Там же. С. 218.

⁵⁵ Там же. С. 219.

сохранения мира и сопротивления агрессии, заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств, как, например, СССР и Чехословакии.⁵⁶

Во время обсуждения актуальных вопросов ведения войны и расширения и укрепления сотрудничества между союзниками Молотов по поручению Сталина еще раз акцентировал внимание партнеров по переговорам на позиции СССР относительно капитуляции Германии. Вот позиция Москвы, выраженная словами советского министра иностранных дел: “Мы считали и считаем, что переговоры могут быть только о капитуляции. Всякого рода другие переговоры – это нестоящие переговоры, они даже могут помешать решению главного вопроса. Во время теперешней войны переговоры могут идти не о перемирии, а только о капитуляции, о сдаче”⁵⁷.

Согласно принятому на Московской конференции решению три правительства обязывались “немедленно информировать друг друга о всяком рода пробных предложениях мира”, а также проводить консультации друг с другом для согласования действий в отношении подобных предложений. Это положение закреплено в совместной декларации участников конференции.⁵⁸

Подводя итог, следует подчеркнуть позитивные моменты, а не то, что разделяло союзников. Stalin проводил принципиальную и последовательную линию, идя на необходимые и порой неизбежные компромиссы не в ущерб, однако, коренным национальным интересам государства и активизации борьбы против фашистской Германии и ее сателлитов. Он продемонстрировал последовательность и неизменность общего курса нашей страны в укреплении антигитлеровской коалиции и расширении рамок взаимного сотрудничества. Не случайно Иден в телеграмме Черчиллю констатировал, что “руssкие представители искренне стремились к установлению с Великобританией и Соединенными Штатами дружественных отношений и что по многим вопросам они сделали все возможное, чтобы пойти навстречу взгляду англичан и американцев”⁵⁹.

Тегеранская конференция (ноябрь–декабрь 1943 года)

Одним из ярких свидетельств поистине громадной работы Сталина в сфере реализации основных целей советской внешней политики в период Отечественной войны стало его активное участие в проведении Тегеранской конференции. Не будет преувеличением сказать, что эта его работа во многом предопределила положительные в целом результаты этой первой, а потому и чрезвычайно важной встречи “большой тройки”. Чтобы в полной мере оценить его вклад в ход и исход конференции в Тегеране, стоит в суммарном виде осветить главные направления, на которых было сосредоточено внимание участников конференции.

⁵⁶ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 172.

⁵⁷ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 187.

⁵⁸ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 347.

⁵⁹ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 38.

На первом же заседании глав правительств СССР, США и Великобритании, который должен был настроить ее участников на эффективную и плодотворную работу и способствовать достижению столь необходимых договоренностей по принципиальным проблемам, стоявшим перед партнерами по коалиции. «Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе»⁶⁰.

В ходе Тегеранской конференции был рассмотрен и решен ряд важнейших вопросов войны и мира, что обозначило историческое значение конференции в период второй мировой войны. Она сыграла значительную роль в самом важном вопросе – сплочении антигитлеровской коалиции для достижения окончательной победы в войне и в создании фундамента для дальнейшего развития и укрепления советско-англо-американских отношений.

Встреча в Тегеране убедительно показала, что, несмотря на коренное различие в политическом и социальном строе СССР, с одной стороны, и США и Англии – с другой, эти страны могли успешно сотрудничать в борьбе с общим врагом, искали и находили взаимоприемлемое решение возникавших между ними спорных вопросов, хотя зачастую подходили к этим вопросам с совершенно различных позиций.

Сталин, как дальновидный политик, обладавший широким кругозором и масштабным подходом к важнейшим проблемам своего времени, хорошо сознавал всю важность налаживания всесторонних отношений с союзниками по коалиции. Боевое и политическое сотрудничество Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в годы второй мировой войны является одним из величайших уроков истории, который нельзя предать забвению. Документы и материалы конференции (записи бесед Сталина с лидерами США и Англии, а также краткая стенограмма общих совещаний и, разумеется, принятые согласованные решения) свидетельствуют об упорной борьбе, которую он вел на конференции за ускорение разгрома гитлеровской Германии, за сокращение сроков тяжелой и кровопролитной войны. Они показывают, что эта борьба увенчалась полным успехом, что именно в Тегеране был в конце концов установлен точный срок открытия союзниками второго фронта во Франции и отвергнута английская «баланская стратегия», ведшая к затягиванию войны и увеличению числа ее жертв и бедствий. Принятие конференцией решения о нанесении гитлеровской Германии совместного и окончательного удара полностью соответствовало интересам всех стран, входивших в антигитлеровскую коалицию.

Тегеранская конференция наметила контуры послевоенного устройства мира, достигла единства взглядов по вопросам обеспечения международной безопасности и прочного мира, положила начало справедливому решению польского вопроса – одного из трудных вопросов, осложнявших отношения трех союзных держав.

Встреча в Тегеране оказала весьма положительное влияние на межсоюзнические отношения, укрепила доверие и взаимопонимание между ведущими дер-

⁶⁰ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М. 1978. С. 93.

жавами антигитлеровской коалиции. В целом можно констатировать, что решения и договоренности, достигнутые на Тегеранской конференции, способствовали укреплению боевого союза СССР, США и Великобритании, а также сплочению всех стран и народов, входивших в антифашистскую коалицию.

Сталин следующим образом оценил значение решений Тегеранской конференции:

“Решение Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии и блестящая реализация этого решения представляют один из ярких показателей упрочения фронта противогитлеровской коалиции. Мало найдется в истории планов больших военных операций о совместных действиях против общего врага, которые были бы осуществлены с такой полнотой и точностью, с какой был осуществлен план о совместном ударе против Германии, выработанный на Тегеранской конференции. Не может быть сомнения, что без наличия единства взглядов и согласованности действий трех великих держав Тегеранское решение не могло быть реализовано с такой полнотой и точностью. Несомненно также, с другой стороны, что успешное осуществление Тегеранского решения не могло не послужить делу упрочения фронта Объединенных Наций”⁶¹.

Сталин не раз заграгивал вопрос о разногласиях, которые существовали между союзниками и Москвой. Но публично он на этих разногласиях акцента не делал по вполне очевидным причинам: необходимо было в той обстановке на первый план выдвигать вопросы укрепления сплоченности и согласованности действий, а не об их разногласиях и противоречиях. Касаясь данной проблемы, он подчеркивал: “Говорят о разногласиях между тремя державами по некоторым вопросам безопасности. Разногласия, конечно, есть, и они будут еще также и по ряду других вопросов. Разногласия бывают даже среди людей одной и той же партии. Тем более они должны иметь место среди представителей различных государств и различных партий. Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трех великих держав и в конечном счете разрешаются по линии интересов этого единства. Известно, что более серьезные разногласия существовали у нас по вопросу открытия второго фронта. Однако известно также и то, что эти разногласия были разрешены в конце концов в духе полного согласия”⁶².

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав проходила в обстановке выдающихся побед советских вооруженных сил, приведших к завершению коренного перелома в ходе не только Отечественной войны Советского Союза, но и всей второй мировой войны. Однако фашистская Германия еще оставалась сильным противником. Она по-прежнему распоряжалась ресурсами почти всей Европы, удерживала часть захваченной ею советской земли. Для окончательной победы необходимо было величайшее напряжение всех сил советского народа.

Результаты и последствия побед Советской Армии вышли далеко за пределы советско-германского фронта, кардинально изменили военно-политическую обстановку в мире, а также расстановку и соотношение сил на международной арене. К концу 1943 года победа союзных стран над общим врагом значительно

⁶¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 162–163.

⁶² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 163–164.

приблизилась, а отношения между ними окрепли и упрочились. Масштаб военных операций западных союзников СССР был, конечно, несопоставим с боевыми действиями советских войск. Высадившимся в Италии после ее капитуляции в сентябре 1943 года англо-американским войскам противостояло всего лишь 9–10 немецких дивизий, в то время как на советско-германском фронте против советских войск действовали 260 дивизий противника, из которых 210 были немецкие.⁶³ Надо добавить, что военные действия Англии и США в Италии (единственном месте в Европе, где союзные войска находились в соприкосновении с противником после изгнания итало-германских войск из Северной Африки и Сицилии) развивались медленно и не очень успешно.

Вполне естественно — и Сталин настаивал на этом весьма твердо — основное внимание на конференции было удалено проблемам дальнейшего ведения войны антигитлеровской коалицией. В этой связи детальному рассмотрению подвергся вопрос о создании против Германии второго фронта в Европе. Stalin исходил из того, что важнейшим звеном в системе принципов стратегии антигитлеровской коалиции должна быть координация военных операций против главного противника, нанесение ему совместных ударов одновременно с нескольких сторон. Это предполагало открытие военных действий в Западной Европе в дополнение к основной борьбе, которая велась на советско-германском фронте.

Stalin считал, далее, что союзные войска должны высадиться на европейском континенте в таком месте, которое дало бы возможность создать для противника действительную, а не мнимую угрозу, поставить под удар его важнейшие военно-промышленные объекты, и в первую очередь Рур, достичь быстрых и эффективных результатов. Таким местом советский лидер считал Францию. Этую линию он последовательно и твердо отстаивал на Тегеранской конференции. Позиция Советского Союза в вопросе о втором фронте против гитлеровской Германии была изложена Сталиным на Тегеранской конференции предельно четко. СССР считает, заявил глава советской делегации, что “наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции”, которая является “наиболее слабым местом Германии”.

Советское правительство и советский Генеральный штаб рассматривали операции в районе Средиземного моря как операции второстепенного значения, считая, что итальянский театр имеет значение лишь для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море, но он совершенно непригоден для наступления непосредственно на Германию, так как путь в этом направлении закрывают Альпы.⁶⁴

Развивая свою идею, Stalin говорил: “Мы, русские, считаем, что наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии. Было бы хорошо, если бы Турция была готова открыть путь для союзников. С Балкан все-таки было бы ближе к сердцу Германии. Тут не преграждают путь ни Альпы, ни Канал. Но наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение. Вот и все мои замечания”⁶⁵.

⁶³ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 7–8.

⁶⁴ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 96–97.

⁶⁵ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 97.

Британский же премьер-министр стремился к проникновению союзников на Балканы, чтобы заранее подготовить там себе прочные позиции в дальнейшем торге с Советской Россией. Причем надо заметить, что антисоветская и по существу антирусская направленность английской "балканской стратегии" становилась все более явной по мере того, как приближалась перспектива освобождения народов этого района советскими войсками. "Всякий раз, — говорил президент Рузельт своему сыну в Тегеране, — когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные..."⁶⁶.

Сталину приходилось преодолевать упорнейшее сопротивление главы британского кабинета. Он не уставал приводить все доводы и аргументы, чтобы склонить Англию к согласию по вопросам места и сроков высадки во Франции. В беседе с Черчиллем 30 октября 1943 г. Сталин говорил, что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Он боится, что если этой операции в мае месяце не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высажившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то он должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Он опасается, что отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому он хочет знать, состоится операция "Оверлорд" или нет. Если она состоится, то это хорошо, если же не состоится, тогда он хочет знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это является наиболее важным вопросом.⁶⁷

Существенным моментом в стратегии Сталина сломить сопротивление Черчилля и добиться его согласия на высадку во Франции явилось обещание предпринять в это время наступление Красной Армии. Советский лидер следующим образом аргументировал свое предложение. Как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что операция состоится в мае или в июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Сталин говорит, что наиболее подходящим моментом является весна. В течение марта и апреля на фронте обычно бывает передышка, войска могли бы отдохнуть.

Можно было бы подвезти боеприпасы, и к моменту начала высадки в Северной Франции можно было бы нанести немцам удары, которые не позволили бы им перебрасывать войска во Францию. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на восточный фронт и они будут продолжать их перебрасывать. Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам, они понимают, что их не отделяет от нас ни Канал, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Канал, затем нужно пройти территорию Франции для того, чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если она получит помощь со стороны союзников в виде операции "Оверлорд" (кодовое название операции по высадке — Н.К.).

⁶⁶ Эллиот Рузельт. Его глазами. С 186–187.

⁶⁷ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 139.

Сталин говорит, что он все-таки хотел бы знать от *Черчилля* дату начала операции “Оверлорд”.

Черчилль отвечает, что он этого сейчас сказать не может...⁶⁸

В предварительном плане обсуждался вопрос о будущем Германии и ряд проблем, связанных с этим. Я приведу небольшой пассаж из протокола заседаний, чтобы у читателя сложилось ясное представление о позиции сторон. Итак:

“*Черчилль*. Было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно границ Польши. Мне кажется, что тогда Иден или я могли бы их изложить полякам. Мы полагаем, что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.”

Сталин. Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Рузвельт. Возможно ли будет организовать в добровольном порядке переселение поляков с территорий, отошедших к Советскому Союзу?

Сталин. Это можно будет сделать. Какие еще вопросы имеются для обсуждения?

Рузвельт. Вопрос о Германии.

Сталин. Какие предложения имеются по этому поводу?

Рузвельт. Расчленение Германии.

“*Черчилль*. Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.”

Рузвельт. Чтобы стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

Черчилль. Я хотел бы подчеркнуть, что корень зла Германии – Пруссия⁶⁹.

И далее Рузвельт подробно изложил свой план расчленения Германии на пять независимых государств. *Сталин* отреагировал на это достаточно осторожно и, можно сказать, двойственno. С одной стороны, еще в 1942 году он четко определил позицию Советского Союза в отношении будущего Германии. Тогда он в докладе в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции заявил: “У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство – можно и должно. Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей”⁷⁰.

Эта позиция отражала принципиальный подход Советского Союза к проблеме, и думается, что советский вождь не намерен был его менять. Однако обстановка того времени, прежде всего потребность сужать, а не расширять сферы разногласий с союзниками, диктовала *Сталину* необходимость проявлять гибкость

⁶⁸ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 139–140.

⁶⁹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 165.

⁷⁰ И. Стalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С.75.

и до поры до времени не формулировать в окончательном виде свою точку зрения по этому вопросу. Поэтому на разных этапах обсуждения данной проблемы он занимал весьма гибкую позицию, оставляя за собой возможность подвергнуть ее корректировке в дальнейшем. Такая тактика была правильна и вполне применима с такими прожженными политиками, каким был Черчилль.

Исключительно важной со всех точек зрения была твердая позиция Сталина по вопросу о восточных границах СССР, а также по вопросу о границах Польши. На конференции Черчилль внес такое предложение: “В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах”⁷¹.

Для Сталина важно было добиться того, чтобы Советская Россия присоединила к своей территории часть Восточной Пруссии. Поэтому он поставил принятие Англией данного пункта в качестве условия одобрения советской стороной предложения Черчилля. Он заявил буквально следующее: “Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически – это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

*Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу*⁷².

Без всякого преувеличения можно сказать, что это было колоссальное по своим последствиям и по своей важности в широкой исторической перспективе достижение сталинской дипломатии. В окончательном виде все эти вопросы были одобрены на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Stalin имел все основания считать, что он в принципе уже в Тегеране добился восстановления исторической справедливости. Более того, это явилось органической составной частью его общей стратегии восстановления прежних (до первой мировой войны) границ России. А в ряде случаев и дальнейшего расширения территорий, владение которыми укрепляло безопасность страны или являлось восстановлением исторической справедливости (возвращение Южного Сахалина).

Чтобы укрепить свои позиции среди союзников и заинтересовать их в дальнейшем развитии сотрудничества с Россией, Stalin дал обещание после разгрома Германии вступить в войну против Японии, чтобы помочь США скорее завершить эту достаточно обременительную для них войну. Советский лидер не ставил пока никаких предварительных условий, поскольку время для этого еще не созрело и на очереди дня стояли другие более злободневные для нас вопросы. Он лишь подчеркнул, что, к сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на западе и у нас не хватит сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии.⁷³

⁷¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 167.

⁷² Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С 167.

⁷³ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 95.

Конференция завершилась принятием декларации трех держав и ряда других документов. Финальная часть декларации звучала весьма эмоционально и проникновенно: “Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели”⁷⁴.

Крымская (Ялтинская) конференция (февраль 1945 года)

Долгожданный второй фронт вооруженной борьбы США и Великобритании против Германии в 1944–45 гг. в Западной Европе открыт 6 июня 1944 г. высадкой англо-американских экспедиционных сил на территорию Северо-Западной Франции. На Тегеранской конференции 1943 года союзники обещали открыть второй фронт в мае 1944 года, однако и этот срок был сдвинут на 6 июня 1944 г. Правительства США и Великобритании преднамеренно затягивали создание второго фронта, руководствуясь целями своей политики: добиться истощения Советского Союза и Германии и таким путём установить своё господство в Европе и во всём мире. Второй фронт был открыт, когда в результате побед Советских Вооруженных Сил произошёл коренной перелом в войне, когда стало очевидным, что Советский Союз один сможет завершить разгром Германии и помочь народам Европы освободиться от гитлеровского ига и что такой исход войны укрепит позиции Советской России и ослабит позиции западных держав.

После высадки в Нормандии англо-американские войска, имея подавляющее превосходство в силах и используя благоприятную обстановку (к началу июля на советско-германском фронте действовало 235, на западном фронте – 65 дивизий противника), провели ряд успешных операций. Второй фронт сыграл положительную роль в вооруженной борьбе против фашистского блока. Однако и после его открытия решающим фронтом 2-й мировой войны оставался советско-германский фронт. За 2-ю половину 1944 года сюда из стран Европы немецкое командование перебросило 59 дивизий и 13 бригад, а с него на Запад – только 12 дивизий и 5 бригад. В январе 1945 года советским войскам противостояли 195 дивизий, союзным войскам в Западной Европе – 74 дивизии противника.⁷⁵ Советская Армия в ходе наступления 1944–45 гг. не только разгромила основные силы вермахта, но и сорвала планы гитлеровского командования на Западе, оказал тем самым огромную помощь союзникам.

Несмотря на это, а может быть, учитывая все факторы, Сталин дал весьма высокую оценку высадке союзных войск в Нормандии. Отвечая на вопросы корреспондента газеты “Правда” 13 июня 1944 г., он заявил: “Подводя итоги семидневных боев освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и мас-

⁷⁴ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 175.

⁷⁵ См. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 193.

совая высадка десантных войск союзников на севере Франции удались полностью. Это – несомненно, блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

Как известно, «непобедимый» Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Историк Гитлер, который два года хвастал, что он проведет форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело как достижение высшего порядка⁷⁶.

Конечно, это оценка Сталина, хотя в целом и соответствовала действительности, но вместе с тем отдавала дань дипломатическим соображениям. Ведь к тому времени стало более чем очевидным, что гитлеровский рейх вступил в полосу своего окончательного краха. Но без высадки союзников война могла продлиться, принося на алтарь победы все новые и новые жертвы. Открытие второго фронта, несомненно, приблизило крушение Германии и спасло немало жизней как советских людей, так и союзников. Хотя к тому времени было более чем очевидно, что и без помощи союзников в виде открытия второго фронта наша страна уже приближалась к победе над фашистской Германией и ее сателлитами, которых становилось все меньше по мере нарастания наступления наших войск на Запад. Это признал даже такой деятель, как британский премьер Черчилль. В послании Сталину от 27 сентября 1944 г. он весьма образно определил роль Советской Армии в достижении решающих успехов в войне против Германии. «Я был весьма рад, узнав от Посла сэра А. Кларка Керра о той похвале, с которой Вы отозвались о британских и американских операциях во Франции. Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий. Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины (выделено мной – Н.К.) и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁷⁷.

Кажется, что лучше и не скажешь. В этой связи представляются неубедительными и даже смешными попытки отрицать решающую роль Советского Союза в достижении победы над Германией. А такие мысли впоследствии не раз высказывал сам же британский премьер, противореча сам себе, поскольку, на его взгляд, политические расчеты превалировали над истиной и исторической правдой. Этой линии он придерживался последовательно.

Блестящие успехи советских войск вызывали восхищение у всех народов, боровшихся против фашизма. Престиж и авторитет нашей страны с каждым днем становился все более высоким. Stalin, который руководил страной и ее героической борьбой против агрессоров, к тому времени также приобрел колоссальный личный авторитет. Здесь я хочу привести оценку, содержащуюся в работе Р. Иванова, которая вполне созвучна не только и не столько моему личному мнению, но – и это самое главное – исторической истине. «Авторитет Сталина в мировом масштабе, несмотря на обострение отношений с союзниками, укреплялся по мере приближения окончания войны в Европе, – писал Р. Иванов. –

⁷⁶ И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 148–149.

⁷⁷ Переписка... Т. 1. С. 305.

Складывалась совершенно новая расстановка сил не только на Европейском континенте, но и в мировом масштабе. И в центре этих событий стояла фигура Сталина, что заставляло и его сторонников, и противников пытаться понять причины стремительного возвышения авторитета и влияния советского руководителя.

Реакция других членов Большой тройки на быстрый рост авторитета Сталина на международной арене была отнюдь не позитивной. И дело, конечно, было не в какой-то зависти, повышенной амбициозности Черчилля и Рузвельта. Каждый из них внес свой большой личный вклад в общее дело победы и заслужил позитивную оценку современников и потомков.

Вопрос был в другом. Сталин становился символом советской победы над фашизмом, освобождения оккупированных Германией европейских стран. Рост авторитета советского руководителя был равнозначен укреплению международных позиций Советского Союза, перегруппировке сил в geopolитическом масштабе в пользу СССР. Реакция Черчилля и Рузвельта на этот процесс не могла быть положительной⁷⁸.

В такой вот обстановке и состоялась Ялтинская конференция. Бессспорно, авторитет и престиж советского лидера оказывали какое-то влияние на ход обсуждения стоявших перед лидерами трех стран проблем. Однако не это в конечном счете предрешало то или иное решение. По-прежнему шла напряженная борьба по многим обсуждавшимся вопросам, и здесь авторитеты отходили на второй план. Ведь речь шла не о состязании личностей, а о коренных интересах трех ведущих стран мира. И правила политической игры здесь были совершенно иные, чем, скажем, в предвыборной борьбе. И нужно сказать, что Сталин и на Ялтинской конференции проявил себя твердым и последовательным борцом за государственные интересы страны. По всем принципиальным вопросам он был непреклонен, что, конечно, не означает, будто ему не приходилось считаться с мнениями своих партнеров по переговорам, идти на компромиссы, когда это было не только необходимо, но и неизбежно. Для Сталина переговоры с союзниками были полем борьбы, в которой надо было зафиксировать результаты победы. И здесь он проявил все свои качества умного, широко мыслящего и дальновидного государственного и политического деятеля. Он исходил не только из текущих интересов, но и смотрел далеко вперед, поскольку сознавал, что окончание войны еще не означает конца борьбы за государственные интересы страны. Просто эта борьба принимала новые формы и требовала не только твердости, но и гибкости, ибо он имел дело с опытнейшими политическими бойцами, какими показали себя Черчилль и Рузвельт. Новые нюансы, без скрупулезного учета которых трудно было рассчитывать на достижение необходимых результатов, вносила и стремительно менявшаяся международно-политическая обстановка. Выиграть войну было трудно, но отнюдь не просто и легко было закрепить ее итоги.

В период подготовки Ялтинской конференции снова возник вопрос о том, что Сталин не имеет возможности далеко отъезжать от Москвы. На этот раз есть прямые свидетельства, исходящие от самого Сталина. Накануне приезда Черчилля в Москву в октябре 1944 года (это был его второй и последний визит в столицу России) премьер Англии писал Рузвельту: "... Во время разговора с Кларком Керром и Гарриманом (послы Англии и США в СССР – Н.К.) вечером Д. Дж. (так между собой союзники называли Сталина – Н.К.) держался приветливо и дружественно. Однако "жаловался на свое здоровье". Он сказал, что чувствует себя

⁷⁸ Роберт Иванов. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. С. 412–413.

хорошо только в Москве и что даже его поездки на фронт были ему вредны. Его врачи возражают против того, чтобы он летал на самолете; после поездки в Тегеран он в течение двух недель не мог оправиться и т. д.”⁷⁹. Кроме того, лично сам Сталин в послании Черчиллю от 30 сентября 1944 г. завел речь о состоянии своего здоровья. “Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с Президентом, – писал он. – Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться”⁸⁰.

Разумеется, трудно судить, насколько искренни и обоснованны были ссылки Сталина на врачей и вообще на свое состояние здоровья. Возможно, это и соответствует действительности. Однако за этим могло скрываться и его желание провести намеченную встречу в верхах не где-то за пределами России, а в пределах нашей страны.

Как уже упоминалось выше, в октябре Черчилль посетил с визитом Москву, где вел довольно тяжелые переговоры относительно Польши и вообще о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Именно тогда произошел знаменитый “эпизод с процентами”, когда глава британского правительства предложил разделить здесь сферы влияния.

Во время очередной встречи с советским лидером Черчилль положил на стол лист бумаги и сказал, согласно первоначальной английской записи, что этот «грязный документ» содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы, если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин – реалист и поймет, о чем идет речь. Из содержания документа следовало, что Черчилль предложил раздел «сфер влияния» на Балканах в следующем процентном соотношении: Румыния – 90% влияния России, 10% – другие; Греция – 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10% – другие; Югославия и Венгрия – 50 на 50%; Болгария – 75% влияния России, 25% – другим странам. Позднее Черчилль говорил Идену, что «забыл» про Албанию, которую следует также разделить 50 на 50%. «Процентное соглашение», предложенное Черчиллем, не было неожиданностью для Сталина, как и то, что ключевым при этом являлся вопрос о Греции. Затем, по свидетельству очевидцев, произошло следующее: Сталин поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. Наступила пауза. Листок лежал на столе. После некоторой паузы премьер произнес: «Не будет ли сочтено слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие миллионы людей. Давайте лучше сожжем эту бумагу». – «Нет, держите ее у себя», – сказал Сталин. Черчилль сложил листок пополам и спрятал его в карман. Любопытно, что содержащиеся в первоначальной английской записи «проценты», их объяснение и оценка («грязный документ») при подготовке этого документа для ознакомления членов кабинета министров были изъяты. Впервые о листке с «процентами» было рассказано в мемуарах У. Черчилля.⁸¹

Ялтинская конференция состоялась 4–11 февраля в Ливадии (близ Ялты) в период, когда в результате мощных наступательных ударов Советской Армии, перенесшей военные действия на германскую территорию, война против Герма-

⁷⁹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 5–6. С. 442.

⁸⁰ Переписка... Т. 1. С. 307.

⁸¹ О.А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. С. 417.

ния вступила в завершающую стадию. Успехи союзников в Западной Европе были во многом предопределены победами СССР на советско-германском фронте, в значительной степени подорвавшими ко времени высадки союзных войск во Франции военную и экономическую мощь Германии. После открытия второго фронта Советский Союз по-прежнему вносил главный, решающий вклад в борьбу с фашистской агрессией. Ялтинская конференция во многом благодаря усилиям и активности Сталина приняла решения исторического значения не только по военным вопросам, но и по вопросам послевоенного устройства мира. Она показала полную возможность эффективного военного и политического сотрудничества государств с различным социальным строем. Несмотря на серьезные разногласия по ряду вопросов между СССР, с одной стороны, и США и Англией – с другой, эти страны достигли на конференции согласованных и взаимоприемлемых решений по важнейшим обсуждавшимся вопросам.

Ход и итоги конференции свидетельствуют о настойчивой борьбе советской дипломатии во главе со Сталиным за обеспечение подлинной безопасности Советского Союза так же, как и безопасности народов Европы и всего мира; за тесное сотрудничество трех держав в ведении войны и в послевоенном устройстве мира; за создание эффективной международной организации, призванной обеспечивать мир и безопасность, на равноправной основе; за право польского, югославского и других народов Восточной и Юго-Восточной Европы на социальный прогресс и демократическое развитие.

В преддверии Ялтинской конференции на Западном фронте произошли драматические события. Воспользовавшись пассивностью союзных войск, гитлеровское командование сосредоточило в районе Арденн (Бельгия) значительную группировку сил и 16 декабря 1944 г. предприняло крупное контраударование. В результате прорыва фронта в Арденнах англо-американские войска оказались в довольно тяжелом положении. Как указывает автор английской официальной истории второй мировой войны Дж. Эрман, “общее положение зимой 1944/45 года характеризовалось не только тем, что на западном фронте союзники зашли в тупик, но и тем, что под угрозой провала оказались все их оперативные планы в Европе”⁸².

В такой критической обстановке глава британского кабинета обратился к Сталину с призывом оказать помочь союзникам посредством наступления на русском фронте, чтобы отвлечь силы немцев с Западного фронта, в частности из района Арденн. В его послании, которое звучало весьма тревожно, отмечалось: “На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть... Я считаю дело срочным”⁸³.

Сталин, как говорится, не медлил ни минуты. Он сразу же ответил посланием, содержание которого сводилось к тому, что наша армия готова оказать немедленную помощь союзникам. “...Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас

⁸² Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. М. 1958. С. 53.

⁸³ Переписка... Т. 1. С. 348–349.

не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам”⁸⁴.

Это обещание было выполнено не только менее чем через неделю, что, разумеется, было не так просто. 12 января 1945 г. на войска вермахта на советско-германском фронте обрушился удар огромной силы на 500-километровом фронте. 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты при содействии соседних фронтовых объединений за 23 дня продвинулись на 500 км, вышли на Одер, захватили плацдарм на его западном берегу и оказались на подступах к Берлину. 13 января 2-й и 3-й Белорусские, часть сил 1-го Прибалтийского фронта и Балтийский флот начали Восточно-Прусскую операцию, и в начале февраля 2-й Белорусский фронт отрезал Восточную Пруссию от Германии. Гитлеровцам был нанесен невосполнимый урон: 35 вражеских дивизий было уничтожено, а 25 потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. Гитлеровское командование было вынуждено перебросить с Западного фронта большое число дивизий, что фактически спасло положение союзников.

Российский автор А.С. Орлов придерживается мнения, что наступление советских войск в январе 1945 года имело не только военно-стратегическое, но и, главным образом, политическое значение. Если Черчиллю важно было переключить усилия вермахта на Восточный фронт и избежать потерь, чтобы не оправдываться перед парламентом (а Рузвельту перед конгрессом), то Сталину нужен был стратегический успех на фронте, чтобы повторить в Ялте триумф Тегерана, где ему удалось расколоть единый фронт американцев и англичан, склонив Рузвельта на свою сторону обещанием «ударить вместе» по Японии после окончания войны в Европе, что стало решающим аргументом в открытии второго фронта в июне 1944 года.⁸⁵ На мой взгляд, в какой бы плоскости мы ни рассматривали данный важный эпизод в союзнических отношениях, самое главное состоит в том, что Сталин немедленно отреагировал на просьбу союзников. И особенно разительным это выглядит на фоне того, как сами союзники под всевозможными – реальными или надуманными – предлогами оттягивали открытие второго фронта в Европе. Как говорится, есть что с чем сравнивать!

Вообще следует подчеркнуть одну фундаментальную особенность в развитии союзнических отношений, которая все больше проявлялась по мере приближения краха гитлеровской Германии. Правящие круги США и Англии по-прежнему исходили из того, что после окончания войны их страны будут занимать господствующее положение в мире. Именно этим объясняется усиление на заключительном этапе войны антисоветских тенденций в их политике, направленной на противодействие росту влияния Советского Союза. Без учета этого обстоятельства невозможно дать исторически верное объяснение многих их действий.

Сталин как раз уловил кардинальные перемены в военно-политической стратегии западных держав и сделал из этого надлежащие выводы. Новые условия диктовали необходимость новых подходов и внесения коррективов в его внеш-

⁸⁴ Переписка... Т. 1. С. 349.

⁸⁵ См. “Новая и новейшая история”. 2005 г. № 2. С. 5.

неполитическую стратегию и тактику, что и было блестяще им продемонстрировано в ходе Ялтинской конференции. Сложившаяся военная и внешнеполитическая обстановка к началу 1945 года требовала от трех союзных держав – СССР, США и Англии – неотложного решения таких вопросов, как согласование их военных планов в целях окончательного разгрома фашистской Германии; выработка общих принципов обращения союзников с Германией после ее поражения; решение вопроса о скорейшем завершении войны с Японией; создание всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности; политика трех держав в отношении освобожденной Европы; будущее Польши и ее границы и другие вопросы.

Одним из центральных вопросов, подлежащих решению на конференции, был вопрос о будущем Германии. Выше уже отмечалось, что США выступили за расчленение Германии на пять государств. Позднее этот план был конкретизирован и получил название “плана Моргентау” – министра финансов США. План Моргентау предусматривал раздел Германии на два независимых государства и создание международной зоны под управлением международного органа, в которую входили бы Рур, Кильский канал и вся немецкая территория к северу от Кильского канала.⁸⁶ Англия предложила еще ранее расчленение Германии на три государства.

Каковы же были мотивы западных держав в этом вопросе? Прежде всего они видели в Германии своего соперника и опасного конкурента на мировом рынке, стремились к ее максимальному ослаблению. Важную роль приобретало и другое соображение, определявшее позицию партнеров Москвы по коалиции. Германский вопрос имел для них еще и новый важный аспект: возможность использования Германии в будущем в антисоветских целях. По мере приближения конца войны и все большего усиления военной мощи Советского Союза и его международного влияния в результате одержанных им побед США и Англия стали придавать этому аспекту германского вопроса самое серьезное значение. В английских и американских реакционных кругах начали вынашиваться планы создания после войны блока западноевропейских государств, включая Англию, Францию, Бельгию и другие страны, в качестве превентивной меры против Советского Союза. В дальнейшем в проектируемый западный блок предполагалось включить и Германию.

И хотя, как уже отмечалось выше, Сталин занимал принципиально иную позицию по вопросу расчленения Германии, он в тактических соображениях на Ялтинской конференции сделал вид, что поддерживает идею расчленения. Решением конференции была создана комиссия по разработке конкретного плана реализации идеи расчленения.

Однако когда комиссия по расчленению Германии начала свою работу в Лондоне, представитель СССР 26 марта 1945 г. по поручению Сталина направил председателю комиссии Идену письмо со следующим разъяснением: “Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными”. Для ориентации своего представителя Советское правительство сообщало: “Англичане и американцы, которые первые поставили

⁸⁶ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. Сборник документов. М., 1979, С. 18.

вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения”⁸⁷.

Важную роль сыграл Сталин и в вопросе о признании Французского комитета национального освобождения во главе с де Голлем, что означало мощную поддержку Франции, в которой она в то время остро нуждалась. США и Великобритания в течение длительного времени занимали враждебную позицию в отношении ФКНО, преобразованного затем во Временное правительство Франции, и лично генерала де Голля. Политика последнего, ставившая своей целью возрождение значения и авторитета Франции, во многих отношениях не устраивала западных союзников, рассчитывавших на то, что после войны Франция превратится во второстепенную державу и будет находиться от них в политической и экономической зависимости.

Однако в связи с планами создания западного блока, в котором значительная роль отводилась Франции, английское и американское правительства готовы были пересмотреть принятые решения с тем, чтобы предоставить зону оккупации и место в Контрольном Совете для Германии четвертой державе – Франции. Правящие круги США и Англии хотели использовать Францию и Французское Временное правительство во главе с де Голлем в своих интересах с целью обеспечения “стабильности” и “поддержания мира в Европе”⁸⁸.

Большое значение в укреплении международного престижа Франции имел Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией от 10 декабря 1944 г. – первый союзный договор, подписанный Временным правительством Франции с одной из трех главных держав антигитлеровской коалиции. Временное правительство Франции во главе с де Голлем, стоявшее на реалистических позициях, понимало, что Франция не может вести исключительно западную политику. 21 ноября 1944 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бидо подчеркнул, что “нельзя построить Европу без участия Советского Союза, без признания большого значения усилий его народов и тех жертв, которые они принесли... Эти жертвы были принесены также немного и для нас; мы знаем это, и мы не сможем этого забыть... Никогда Франция не согласится быть связанной только с Западом... У нас были и имеются еще культурные, моральные и политические интересы на Востоке Европы...”⁸⁹.

В ходе конференции Сталин недвусмысленно заявил, что Советский Союз заинтересован в том, чтобы у Франции была сильная армия. Об этом Советское правительство говорило раньше с Францией Даладье и в последнее время с Францией де Голля. Он, Сталин, за великую Францию.⁹⁰

На Ялтинской конференции во время переговоров между Сталиным и Рузвельтом была достигнута в принципе договоренность о политических условиях вступления СССР в войну против Японии. Давая согласие вступить в войну против Японии, Советский Союз выполнял свой союзнический долг. Он руководствовался стремлением сократить срок окончания войны, количество жертв и ускорить наступление всеобщего мира. Сталин на конференции говорил, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР всту-

⁸⁷ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 22–23.

⁸⁸ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 24.

⁸⁹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 25.

⁹⁰ Там же. С. 72.

пает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты.⁹¹

В ходе конференции всплыл вопрос и о наступлении советских войск, которое было предпринято накануне для облегчения положения союзников. Stalin счел необходимым еще раз подтвердить свое отношение к таким проблемам. В протоколах совещания говорится, что он, Stalin, понял, что ни Черчилль, ни Рузвельт не просят его прямо о наступлении, он ценит эту деликатность союзников, однако он увидел, что для союзников такое наступление необходимо. Советское командование начало наступление, и даже раньше намеченного срока. Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Stalin, хочет, чтобы деятели союзных держав учили, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности.⁹²

Много внимания на встрече "большой тройки" занял польский вопрос, стержнем которого были аспекты послевоенных границ Польши и проблема признания правительства. Дело в том, что в Лондоне находилось эмигрантское правительство, которое занимало враждебную позицию по отношению к СССР. А в самой Польше функционировал Комитет национального освобождения, пользовавшийся широкой поддержкой населения, и фактически играл роль правительства. Союзники не признавали КНО. Stalin настаивал на том, чтобы было сформировано правительство, которое бы было способно объединить все подлинно национальные силы, не исключая и представителей правительства Польши в эмиграции. Вокруг этого, особенно вокруг проблемы границ, развернулась упорная борьба. Stalin здесь проявил завидную твердость и непреклонную решимость, отстаивая как российские, так фактически и польские интересы.

Приведу здесь отрывок из дискуссии Сталина и Черчилля по вопросу о границах. "Stalin говорит, что, как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Stalinу это понятно. Со своей стороны, однако, он должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша – пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была

⁹¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 141.

⁹² Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 62.

сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу”⁹³.

По вопросу о границах Сталин высказался не менее жестко и не менее определенно:

“Теперь о конкретных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон (министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг. — Н.К.), Клемансо (глава правительства Франции в тот период — Н.К.) и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе”⁹⁴.

При обсуждении вопроса о границах Сталин проявил себя тонким и находчивым полемистом. Однако его сила состояла не в искусстве полемики, а в том, что он отстаивал справедливый подход, понимая, что вопрос о границах не только вопрос, касающийся настоящего, но и даже отдаленного будущего: от его решения зависело многое как в отношениях между странами, так и обстановка на континенте в целом.

То же самое мы видим и при обсуждении вопроса о правительстве. В материалах конференции зафиксировано: “Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его недемократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия”⁹⁵.

⁹³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 99—100

⁹⁴ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 100—101.

⁹⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 101.

Здесь обращает на себя внимание довольно тонкий юмор, помноженный на железную силу логики: советский лидер как бы преподает урок соблюдения принципов демократии тем, кто считал себя чуть ли не главными защитниками и проводниками этих принципов в жизнь в послевоенной Европе. И логика Сталина, и его юмор произвели, видимо, на участников обсуждения определенное впечатление. Рузвельт заявил, что польский вопрос в течение пяти веков причиняет миру головную боль. Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял миру головную боль. Stalin отвечает, что это обязательно нужно сделать.⁹⁶

Когда же через некоторое время снова вернулись к обсуждению польского вопроса, в частности, о проведении там выборов, Рузвельт заметил, что хотелось бы, чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений.

Сталин замечает, что о жене Цезаря так только говорили. На самом деле у нее были кое-какие грешки.⁹⁷

Как может убедиться читатель, Stalin не только проявлял твердость и непреклонность в отстаивании принципиальных позиций нашей страны, но и нередко делал это так, что обезоруживал своей аргументацией противника.

Итоги конференции были зафиксированы в ряде резолюций и решений, не все из которых в условиях войны были преданы гласности по вполне понятным причинам. Едва ли для меня есть смысл перечислять эти решения. Отмечу лишь, что они касались наиболее существенных проблем, стоявших тогда на мировой повестке дня. Прежде всего – вопроса ведения войны против фашистской Германии.

Относительно войны с Германией в общем заявлении было сказано: “Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения... Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира... В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций”⁹⁸.

В опубликованном заявлении “большой тройки” говорилось:

“Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической Хартии, “обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды”.

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира”⁹⁹.

При оценке внешнеполитической стратегии Сталина в годы войны важно оттенить одну существенную мысль: советский лидер все более уверенно и все

⁹⁶ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 103.

⁹⁷ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 181.

⁹⁸ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 265–266.

⁹⁹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 271.

более эффективно проводил в жизнь цели внешней политики России по мере того, как наша страна одерживала блестящие победы на фронте. Именно этот факт в конечном счете предопределял то, что принято называть дипломатическими успехами. Конечно, это не только не умаляет личного вклада советского вождя в реализацию важнейших задач страны на международной арене в этот сложный период, но и как бы подчеркивает то, что он умел победы на поле брани с фашистскими агрессорами трансформировать в своеобразный мощный резерв на поле дипломатических баталий с союзниками. И с каждым новым успехом Красной Армии международные позиции советской России становились все более прочными. Разумеется, Сталин не вел переговоры с союзниками с позиции силы. Но и они сами не могли не видеть – а тем более игнорировать – возраставшую мощь и растущее влияние Советского Союза в мировых делах. В этом мне видится главное направление эволюции сталинской внешнеполитической стратегии в годы войны.

Освещая важнейшие шаги Сталина по осуществлению целей советской внешней политики, нельзя не отметить его роль в процессе создания Организации Объединенных Наций и выработке ее Устава. Сталин неоднократно подчеркивал, что печальная участь Лиги Наций должна послужить для всех поучительным уроком. Поэтому он непосредственно руководил подготовкой основных предложений, которые советская делегация должна была отстаивать на конференции в Дуббартон-Оксе, где были приняты все основополагающие документы, касающиеся ООН. Во время работы конференции Сталин обратился с посланием к президенту Рузвельту. В нем он обосновал настоятельное требование Советского Союза, чтобы Украина и Белоруссия стали членами-учредителями ООН. Глава Советского правительства писал: “Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение. После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года Правительства Союзных Республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в Советской Конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации. Поэтому я надеюсь еще иметь случай объяснить Вам политическую важность вопроса, поставленного советской делегацией в Дуббартон-Оксе”¹⁰⁰.

Сталин добивался того, чтобы Совет Безопасности ООН был не трибуной бесплодных дискуссий и обсуждений, а эффективным органом поддержания международного мира и пресечения любых проявлений агрессии. Для достижения данной цели важно было то, как будет функционировать этот орган и вся ООН в целом. В соответствии с такой линией в директивах для советской делегации, разработанных по указанию Сталина и утвержденных 10 августа 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б), указывалось, что “наибольшее значение мы приаем предложением, касающимся компетенции руководящего органа (Совета)”. Совет, говорилось в директивах, должен играть решающую роль в будущей международной организации, нести главную ответственность за сохранение мира, для чего следует наделить его необходимыми правами и обязанностями. В директивах подчер-

¹⁰⁰ Переписка... Т. 2. С. 167.

кивалась необходимость того, чтобы по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, решения Совета принимались большинством голосов, при условии согласия всех постоянных представителей в Совете.¹⁰¹

В послании президенту США от 14 сентября 1944 г. Сталин с большим акцентом подтвердил эту позицию СССР: “Я должен сказать, что для успеха деятельности Международной организации безопасности немалое значение будет иметь порядок голосования в Совете, имея в виду важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единогласия четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно касаются одной из этих стран”¹⁰².

Конечно, в рамках раздела трудно более подробно осветить роль Сталина в деле создания ООН и выработки основных принципов ее деятельности. Однако и приведенные факты говорят о многом. Что Сталин не был новичком в большой дипломатии, доказывать не приходится, ибо это очевидный факт. Однако важно подчеркнуть другое – его дипломатический опыт постоянно обогащался, поскольку он имел дело с такими прожженными политиками, как Черчилль и другие. Но важнее было другое: Сталин постоянно вносил необходимые корректизы в свою внешнеполитическую стратегию, продиктованные необходимостью правильно учитывать и анализировать новые тенденции в развитии ситуации как в Европе, так и в мире в целом. Причем эти новации были ориентированы не только на день текущий, но и простирались на будущее. А это будущее не обещало быть безоблачным, ибо после победы неизбежно встанут новые проблемы, и нужно было быть готовыми встретить вызовы времени.

Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.)

Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) была последней в ряду конференций союзных государств в период второй мировой войны. В отличие от предшествующих конференций она проходила уже после окончания войны в Европе. Гитлеровской Германии было нанесено полное и сокрушительное поражение.

Свой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии других государств антигитлеровской коалиции.

Берлинская конференция была назначена закрепить в своих решениях историческую победу, одержанную народами СССР и других союзных стран над фашистской Германией, выработать программу справедливого и прочного мира в Европе.

Советская делегация на Берлинской конференции во главе со Сталиным стремилась к сохранению и на послевоенное, мирное время духа сотрудничества между великими державами, который существовал между ними во время войны, к объединению их усилий во имя того, чтобы Европа никогда больше не стала ареной кровопролитных войн и конфликтов.

После окончания войны в Европе на Берлинской конференции трём союз-

¹⁰¹ Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. (21 августа – 28 сентября 1944 г.) М. 1978. С. 19.

¹⁰² Переписка... Т. 2. С. 168.

ным державам предстояло решить прежде всего основной вопрос — германский. В осуществление Крымского соглашения о Германии необходимо было выработать политические и экономические принципы координированной политики союзников в отношении Германии, с тем чтобы навсегда искоренить германский милитаризм и нацизм и устраниТЬ угрозу германской агрессии, обеспечить германскому народу возможность демократического, мирного развития. Трем союзным державам необходимо было решить и такие важные вопросы, вытекавшие из поражения гитлеровской Германии, как вопрос о репарациях, территориальные вопросы, вопрос о военных преступниках и др.

На Берлинской конференции три союзные державы должны были также принять согласованное решение о подготовке мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, вышедших из войны против Объединенных Наций до капитуляции Германии и объявивших ей войну.

В целях установления прочного и длительного мира в Европе три союзные державы должны были определить общую политику в отношении этих стран, в том числе решить такой вопрос, как восстановление дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами, доказавшими на деле готовность сотрудничать с Объединенными Нациями.

Трем союзным державам нужно было решить вопросы, вытекавшие из факта создания, в соответствии с Крымской декларацией о Польше, Временного польского правительства национального единства и ликвидации польского эмигрантского правительства, а также решить вопрос о западной границе Польши.

Наконец, после окончания войны в Европе перед тремя союзными державами и в соответствии с соглашением о вступлении СССР в войну против Японии, подписанным между СССР, США и Великобританией на Крымской конференции, стоял вопрос о согласовании военных действий, прежде всего СССР и США, для скорейшего разгрома дальневосточного агрессора — милитаристской Японии.

Междунородная обстановка, в которой проходила подготовка к Берлинской конференции, значительно отличалась от обстановки периода Крымской конференции. Отношения между тремя державами после окончания войны в Европе приняли более сложный характер.

Несмотря на большие человеческие жертвы и материальные потери, Советская страна вышла из борьбы против фашистских захватчиков еще более могущественной. Советский Союз обладал огромным военным и материальным потенциалом. Неизмеримо возрос международный авторитет Советского государства. Соответственно, возрос и без того высокий, а порой и уникальный в своем роде, авторитет лидера Советской России Сталина.

В этих условиях в правящих кругах США и Великобритании заметно усилились антисоветские тенденции, стало проявляться открытое недружелюбие к Советскому Союзу; правительства этих стран вели дело к ослаблению сотрудничества с СССР по ряду политических вопросов и разрабатывали планы послевоенного устройства, руководствуясь своими, сугубо эгоистическими интересами.

Откровенным выразителем реакционного антисоветского курса во внешней политике Запада стал премьер-министр Великобритании У. Черчилль. В послании новому президенту США Г. Трумэну, сменившему на этом посту умершего в апреле 1945 года Рузвельта, Черчилль впервые (в 1946 году он это повторил публично) выдвинул так называемый тезис о "железном занавесе", ставший расхожим аргументом во всех антисоветских и антирусских кампаниях на протяжении

десятков лет. Он писал Трумэну 12 мая 1945 г. «Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территории, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская еще не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200—300 дивизий? Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него...»

...Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сумского обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скромном времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана...

Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы»¹⁰³.

Тогда же в Лондоне имперскому генеральному штабу было поручено провести исследование о возможности открытия военных действий против России в случае, если «в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения». В ряде стран, освобожденных англо-американскими войсками от фашистских захватчиков, союзное командование не полностью провело разоружение германских войск.

У британского премьера возникла идея вытеснить советские войска с территории Польши силой. План предусматривал нанести «тотальное поражение» СССР в скоротечной войне объединенными силами англо-американских сил в Европе и еще сохранившихся войск вермахта (только в Норвегии их было около 400 тысяч). Войну планировалось начать 1 июля 1945 г. Разработчики плана писали: «а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно, — чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время»¹⁰⁴.

Одновременно не только в секретной переписке с Трумэном, но и в публичных выступлениях Черчилля все более откровенно стали звучать антисоветские призывы.

План операции под кодовым названием «Немыслимое» разрабатывали опытные штабисты. 22 мая 1945 г. они направили его на утверждение Комитету начальников штабов. Но Черчилль подстерегала неожиданность. Имперский комитет начальников штабов во главе с фельдмаршалом А. Бруком пришел к выводу, что пре восходящая мощь Красной Армии на Европейском театре (по сухопутным войскам 2:1) исключает возможность проведения против нее каких-либо наступательных операций, и план временно положили под сукно. Убедившись в нереальности своих фантастических замыслов, Черчилль вновь ищет компромисса со Сталиным.¹⁰⁵

¹⁰³ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5—6. С. 632—633.

¹⁰⁴ О.А. Ржешевский. Stalin и Черчилль. С. 526.

¹⁰⁵ Подробнее об этом см. О.А. Ржешевский. Stalin и Черчилль. С. 525.

Но было бы упрощением все сводить к Черчиллю. В своей политике враждебности по отношению к СССР он не только опирался, но и находил надежного партнера в лице нового президента США. 23 апреля 1945 г. в беседе с Молотовым, прибывшим в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско, Трумэн допустил ряд грубых выпадов против СССР, обвинив Советское правительство в том, что оно-де не выполняет решений Крымской конференции. “Я сожалел, — вспоминал Гарриман, — что Трумэн пошел на такую резкость, поскольку такое поведение позволяло Молотову сообщить Сталину, что политика Рузельта отбрасывается”¹⁰⁶.

В политике западных держав появилась тенденция ревизовать отдельные решения Крымской конференции (о Польше, о Декларации об освобожденной Европе, о reparations с Германией и др.). Так, английское и американское правительства отошли от установок Крымской конференции по вопросу об образовании Временного польского правительства национального единства, истолковывая принятые решения о реорганизации действовавшего народно-демократического Временного правительства Польской Республики как его ликвидацию и создание совершенно нового правительства. Давая свою ограниченную, буржуазную интерпретацию понятиям “демократические учреждения” и др., содержавшимся в Декларации об освобожденной Европе, правящие круги западных держав отказывались признавать народно-демократические правительства в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Но вернемся к ходу самой конференции. 17 июля состоялась первая встреча Сталина с новым президентом США. Во время беседы президент Трумэн заявил главе Советского правительства, что “он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузельтом. Он, Трумэн, уверен в необходимости этого, так как он считает, что судьба мира находится в руках трех держав. Он хочет быть другом генералиссимуса Сталина. Он не дипломат и любит говорить прямо”.

Сталин отвечает, что со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США”¹⁰⁷.

И Сталин здесь ничуть не лукавил. Он был заинтересован в развитии сотрудничества и в том, чтобы между партнерами по коалиции господствовали искренние отношения и чтобы не было попыток с чьей бы то ни было стороны пытаться обмануть партнера, ввести его в заблуждение. Он пропагандировал искренность и взаимное доверие между партнерами по коалиции. И здесь стоит привести его заявление на этот счет, которое он сделал в беседе с Черчиллем еще во время Ялтинской конференции. Тогда советский лидер заявил: “Я говорю, — сказал он, — как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наи-

¹⁰⁶ Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N.Y. 1975. p. 454.

¹⁰⁷ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. (17 июля – 2 августа 1945 г.) Сборник документов. М. 1980. С. 42.

вно? Опытные дипломаты могут сказать: “А почему бы мне не обмануть моего союзника?” Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны”¹⁰⁸.

Вполне понятно, что в эпицентре внимания конференции стояли вопросы, связанные с Германией. Заключенные ранее союзниками соглашения по Германии обеспечивали создание необходимого механизма для управления Германией в начальный оккупационный период, для переустройства ее жизни на миролюбивых демократических началах. Основополагающими документами являлись крымские соглашения о Германии, акт о безоговорочной капитуляции Германии, Декларация о поражении Германии, соглашение о зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином, соглашение о контрольном механизме в Германии и др. К моменту созыва конференции в ЕКК было разработано еще одно соглашение — о некоторых дополнительных требованиях к Германии, которое было подписано 25 июля 1945 г. В этом соглашении были предусмотрены меры, направленные на разоружение и демилитаризацию Германии и на полную ликвидацию фашистского режима в Германии.

По настоянию советской стороны в соглашение были включены пункты, предусматривающие полное и окончательное упразднение всех вооруженных сил Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоенные организации вместе с их клубами и ассоциациями; запрещение всех видов военного обучения и организаций, способных содействовать военному обучению; а также упразднение национал-социалистской партии и объявление ее вне закона.

Проект США о политике в отношении Германии, по которому велось обсуждение, содержал многие важные положения прежних соглашений союзников о Германии, что облегчало достижение согласованного решения.

Уже на второй день работы конференции в основном были одобрены политические принципы координированной политики трех держав в отношении Германии.

Значительно труднее было согласовать экономические принципы обращения с Германией, связанные с вопросами ликвидации военно-экономического потенциала Германии, взимания reparаций, авансовых поставок из Германии, снабжения Германии продовольствием и топливом, а также другими экономическими и финансовыми вопросами. Западные державы всячески стремились обеспечить себе свободу действий в области экономической политики в Германии, по крайней мере, в своих собственных зонах оккупации, в том числе и в таком важном вопросе, вытекавшем из факта поражения гитлеровской Германии, как вопрос о reparациях.

На заседаниях 31 июля и 1 августа главы правительств окончательно согласовали текст соглашения “Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период”.

В основу этого соглашения были положены принципы демилитаризации,

¹⁰⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5–6. С. 522.

демократизации и денацификации Германии. “Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, — говорилось в Сообщении о Берлинской конференции трех держав, — и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире”. Одновременно три державы заявляли, что “союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ”. Они провозгласили своим намерением “дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе” и по достижении этой цели “с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира”¹⁰⁹.

Уничтожению германского военного потенциала и устраниению германской угрозы были подчинены принятые на конференции экономические принципы обращения с Германией. Они предусматривали не только запрещение производства вооружения, военного снаряжения и орудий войны, но и децентрализацию германской экономики, уничтожение существовавшей чрезмерной концентрации экономических сил в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений.

Экономические принципы обращения с Германией предусматривали, что “в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое”¹¹⁰.

Правительства США и Англии на словах не могли не признавать огромных людских и материальных потерь СССР в войне с гитлеровской Германией.¹¹¹ На Крымской конференции было достигнуто соглашение, по которому Германия должна была “возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям”, причем США согласились с предложением Советского Союза об установлении в качестве базы для обсуждения в созданной для этой цели Межсоюзной комиссии по репарациям суммы в 20 млрд. долларов, из которых 50% должно было идти Советскому Союзу.

Однако на Берлинской конференции делегация США отступила от позиции, которую она занимала в Крыму, мотивируя это тем, что-де после Крымской конференции в Германии имели место большие разрушения и некоторые области отошли от нее, а поэтому и ранее установленная цифра репараций является теперь нереальной.

Берлинская конференция рассмотрела предложение Советского правительства о передаче СССР города Кенигсберга и прилегающего к нему района. При обсуждении этого вопроса на конференции советская делегация напомнила американской и английской делегациям о согласии США и Англии с советским предложением по этому вопросу на Тегеранской конференции. Делегации США и Англии подтвердили свое согласие, данное на Тегеранской конференции, на передачу Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, что нашло свое отражение в решениях Берлинской конференции.

¹⁰⁹ Соответствующие документы публикуются в цитированном уже сборнике **Берлинская (Потсдамская) конференция...** С. 459—497.

¹¹⁰ Там же. С. 487—489.

¹¹¹ В целом материальный ущерб, который был причинен агрессорами народному хозяйству и отдельным советским гражданам СССР, составил около 2 триллионов 600 млрд. рублей. (**Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история.** М. 1965. С. 552.)

В соответствии с решением Крымской конференции Сталин предложил рассмотреть вопрос о западной границе Польши. 20 июля советская делегация вручила делегациям США и Великобритании проект соглашения об установлении западной границы Польши. Английская и американская делегации, пытаясь уклониться от решения в Потсдаме вопроса о западной границе Польши, связывали этот вопрос с другими вопросами. Но в конечном счете английская и американская делегации согласились на установление западной границы Польши в соответствии с предложением советской делегации. Установление этой границы подтверждалось решением глав трех правительств о перемещении германского населения, оставшегося в Польше, а также в Чехословакии и Венгрии. Таким образом, на Берлинской конференции вопрос о западной границе Польши был решен окончательно.¹¹²

Чтобы несколько отвлечься от изложения принципиальных решений, которые были приняты во многом благодаря настойчивости, а порой и неуступчивости Сталина, я приведу несколько примеров манеры поведения советского лидера на конференции. Такой вот пример:

“Сталин. Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? (Смех.) Это очень интересный вопрос.

Черчиль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Трумэн. Все?

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. (Смех.)¹¹³

При обсуждении на конференции вопроса о военных преступниках советская делегация предложила в качестве примера назвать некоторых наиболее видных нацистских преступников. Но союзники стали возражать против этого предложения. Я позволю себе привести любопытные диалоги, имевшие место на этот счет.

“Сталин. Много говорилось о военных преступниках, и народы ждут, что мы назовем какие-то имена. Наше молчание насчет этих лиц бросает тень на наш авторитет. Уверяю вас. Поэтому мы выиграем в политическом отношении, и общественное мнение Европы будет довольно, если мы назовем некоторых лиц. Если мы этих лиц назовем как пример, то, я думаю, прокурор не будет обижен. Прокурор может сказать, что некоторые лица неправильно названы. Но оснований для того, чтобы прокурор обиделся, нет. Политически мы только выиграем, если назовем некоторых из этих лиц”.

Далее последовал своеобразный дипломатический диалог, в котором Сталин продемонстрировал свои незаурядные способности полемиста. Причем использование такого инструмента, как юмор, было одним из его излюбленных и – надо признать – эффективных средств. Вот как выглядел этот диалог.

“Бирнс (Госсекретарь США – Н.К.). Когда мы обсуждали этот вопрос вчера, я считал нецелесообразным называть определенных лиц или пытаться определить здесь их виновность. Каждая страна имеет среди нацистских преступников своих “любимцев”, и если мы не включим этих преступников в список, то нам трудно будет объяснить, почему они не включены.

¹¹² Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 492–494.

¹¹³ Там же. С. 141.

Сталин. Но в предложении так и сказано: “такие, как... и др.”. Это не ограничивает количество, но создает ясность.

Бирнс. Это дает преимущество тем, кого вы называете. (Смех.)

Эттли. Я не думаю, что перечисление имен усилит наш документ. Например, я считаю, что Гитлер жив, а его нет в нашем списке.

Сталин. Но его нет в наших руках.

Эттли. Но вы даете фамилии главных преступников в качестве примера.

Сталин. Я согласен добавить Гитлера (*общий смех*), хотя он и не находится в наших руках. Я иду на эту уступку. (*Общий смех.*)¹¹⁴

Но на этом спор по поводу того, называть ли поименно военных преступников, не завершился. На следующем заседании к нему возвратились вновь. Диалог протекал примерно в том же ключе, что и прежде.

Сталин. Имена, по-моему, нужны. Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других.

Трумэн. Все они мне не нравятся. (Смех.) Я думаю, что если мы упомянем некоторые имена и оставим в стороне других, то будут думать, что этих других мы не собираемся привлекать.

Сталин. Но здесь эти имена приводятся как пример. Например, поражает, почему Гесс до сих пор сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности? Надо эти имена назвать, это будет важно для общественного мнения, для народов.

Бевин (Министр иностранных дел, сменивший на этом посту Идена — Н.К.). О Гессе вам не следует беспокоиться.

Сталин. Дело не в моем мнении, а в общественном мнении, во мнении народов всех стран, которые были оккупированы немцами.

Бевин. Если у вас имеются какие-либо сомнения относительно Гесса, то я могу дать обязательство, что он будет предан суду.

Сталин. Никаких обязательств я от г-на Бевина не прошу, достаточно одного его заявления, чтобы я не сомневался, что это будет сделано. Но дело не во мне, а дело в народах, в общественном мнении¹¹⁵.

Указанными выше проблемами не исчерпывались проблемы, рассматривавшиеся в Потсдаме. Stalin пытался добиться возвращения утраченных в итоге первой мировой войны территорий Армении и Грузии, которые отошли к Турции, а также пересмотра конвенции о Черноморских проливах, заключенной в середине 30-х годов в г. Монтере. Выступая на пленарном заседании, Молотов по поручению Сталина заявил:

“...В некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория — это известная территория областей Карса, Артвина и Ардагана. Вот карта отторгнутой турками территории. (*Передает карту.*) Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно.

Второй важный вопрос, который мы должны урегулировать, — это вопрос о

¹¹⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 264—265.

¹¹⁵ Берлинская (Потсдамская) конференции... С. 280—281.

Черноморских проливах. Мы неоднократно заявляли нашим союзникам, что мы не можем считать правильной Конвенцию, заключенную в Монтере. По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же, как права японского императора. Нам кажется, что это не соответствует существующему положению. Мы знаем, что наши союзники, президент США и премьер-министр Великобритании, также считают нужным исправить это положение”¹¹⁶.

Однако, несмотря на видимость согласия с этими предложениями союзников, поставленные проблемы не нашли своего решения и были отложены, как говорится, до греческих календ, т. е. успешно похоронены.

Во время конференции американцы произвели успешное испытание атомной бомбы, и естественно встал вопрос о том, как сообщить об этом эпохальном событии, в корне менявшем ситуацию не только в Европе, но и в мире в целом. Не информировать об этом Сталина союзники не могли, поскольку они собирались использовать это новое оружие не только в войне против Японии, но и в качестве мощного средства давления на Советскую Россию. Черчилль в своих мемуарах так описывает обстоятельства, при которых совершился факт оповещения главы советского правительства о появлении в распоряжении США нового мощного оружия.

“Сложнее был вопрос о том, что сказать Сталину. Президент и я больше не считали, что нам нужна его помощь для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска русских войск на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся и поэтому теперь у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте. Но все же он был замечательным союзником в войне против Гитлера, и мы оба считали, что его нужно информировать о новом великом факте, который сейчас определял положение, не излагая ему подробностей. Как сообщить ему эту весть? Сделать ли это письменно или устно? Сделать ли это на официальном или специальном заседании, или в ходе наших повседневных совещаний, или же после одного из таких совещаний? Президент решил выбрать последнюю возможность. “Я думаю, — сказал он, — что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну”. Я согласился с этим планом”¹¹⁷.

Далее Черчилль следующим образом излагает ход событий.

“На следующий день, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая уда-

¹¹⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 145.

¹¹⁷ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5–6. С. 665.

ча! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершилась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: "Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?" Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. "Ну, как сошло?" — спросил я. "Он не задал мне ни одного вопроса", — ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов.

Таков был конец этой истории, насколько это касалось Потсдамской конференции. Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала”¹¹⁸.

Сталин не был столь наивным, как полагал английский премьер. Напротив, именно Черчилль оказался, как говорится, в дураках. Да и глупо было полагать, что в Советском Союзе не знали об американских и английских работах по созданию атомного оружия. Как советские ученые, так и советская разведка по указанию Сталина проводили напряженнейшую работу по созданию атомного оружия. В частности, в этом состояла одна из заслуг Сталина в деле упрочения обороноспособности Советской России не только во время войны, но и после ее окончания. Ибо он смотрел далеко вперед и понимал, что партнеры по коалиции пытаются использовать появление нового оружия для оказания давления и даже прямого шантажа Советского Союза.

Как же на самом деле реагировал советский лидер на информацию Трумэна. Об этом рассказал в своих мемуарах Г.К. Жуков. "Не помню точно какого числа, в ходе конференции после одного из заседаний глав правительства Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И.В. Stalin не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Stalin в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают. И.В. Stalin рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об усилении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы”¹¹⁹.

¹¹⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5-6. С. 683.

¹¹⁹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 418.

Как теперь хорошо известно, Сталин еще задолго до испытания атомной бомбы американцами дал указание развернуть широкомасштабные работы для разработки атомного оружия. И они велись под его непрерывным контролем, ибо он отлично понимал значение атомного оружия в той международной ситуации. И совсем неправ американский автор Д. Холловэй, считающий, будто появление атомного оружия не изменило основную внешнеполитическую концепцию Сталина. Эту мысль он в разных вариантах проводит в своей книге, посвященной данной проблеме.¹²⁰ В конце концов, американский автор вступает в противоречие с самим собой, когда пишет: “Атомная бомба занимала центральное место в сталинской военной политике. Сразу же после войны он отдал приоритет тем мерам, которые могли бы снизить эффект ядерного удара по Советскому Союзу, он создал советскую противовоздушную оборону и увеличил возможность проведения советских наступательных операций в Европе. В то же время он торопил с созданием средств доставки советского ядерного оружия. Для Советского Союза было важно получить возможность для нанесения удара по передовым базам в Европе, Африке и Азии, с которых Соединенные Штаты могли осуществить ядерное нападение. Сталин также решил как можно скорее обзавестись межконтинентальными системами, которые позволили бы Советскому Союзу угрожать Соединенным Штатам”¹²¹.

Подводя краткий итог рассмотрению поставленной темы, можно констатировать следующее. В ходе работы Потсдамской конференции возникали трудности, создававшиеся позицией сторонников “жёсткого курса” в США и Великобритании. Тем не менее на этой конференции во многом благодаря усилиям Сталина и советской делегации в целом были приняты решения, которые представляли собой победу демократических принципов урегулирования послевоенных проблем. Успешное завершение Потсдамской конференции явилось наглядным доказательством того, что три державы, сотрудничавшие в годы войны в борьбе против общего врага, при желании могут, несмотря на имеющиеся различия в их позициях, найти основу для сотрудничества и в мирное время. Сталин как глава советского правительства наглядно продемонстрировал на конференции свою добрую волю к такому сотрудничеству.

6. Сталин как дипломат

Дать краткую и вместе с тем емкую и соответствующую исторической истине характеристику Сталина как дипломата – задача чрезвычайно трудная и сложная. Это проистекает из ряда причин как объективного, так и субъективного порядка. Прежде всего, сложность проистекает из характера самой личности Сталина, в политической биографии которого как бы сплелись в органический и неразделимый сплав как положительные, так и отрицательные черты и свойства. Эти свойства были не только, а может быть, и не столько отличительные черты самого этого человека, но и прежде всего – фундаментальные особенности эпохи, имя которой в сознании многих людей ассоциируются с именем Сталина. Это была суровая, по-

¹²⁰ См. книгу Дэвид Холловэй. *Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия*. Новосибирск. 1997.

¹²¹ Дэвид Холловэй. *Сталин и бомба*. С. 477.

рой беспощадная эпоха, вместившая в себя как подвиги исполинского масштаба, не меркнущие в веках, так и суровые, порой кровавые события.

Ко времени начала второй мировой войны Сталин по праву рассматривался в качестве одной из ключевых фигур на мировом политическом поле. И этот факт не столько отражал его личную роль, сколько значение и место, которое к тому времени занимал Советский Союз в развертывавшемся невиданном по своим масштабам и последствиям мировом историческом противоборстве. Чтобы ясно и беспристрастно понимать и оценивать многие политические и дипломатические действия Сталина как накануне войны, так и в ее ходе, надо не упускать из виду обстоятельство фундаментального значения. Несколько упрощая (но не извращая), я бы охарактеризовал ситуацию следующим образом: как фашистская Германия вместе со своими союзниками Италией и Японией, так и западные державы, в целом однозначно враждебно относились к Советскому Союзу. В основе этой враждебности лежало не только наличие серьезных объективных геополитических противоречий и разногласий, значительное столкновение национальных и иных интересов, но и идеологические мотивы.

В наши дни кое-кто склонен не просто принижать значение последнего обстоятельства, но и вообще приравнивать его чуть ли не к нулю, не говоря уже о том, что особый упор делается на то, чтобы представить фашизм и коммунизм едва ли не в качестве разновидностей одной и той же красно-коричневой идеологии. Разумеется, со всеми вытекающими из подобного уподобления политическими, моральными и иными выводами. Здесь не место вдаваться в полемику по этому поводу. В качестве одного, но весьма характерного факта приведу лишь один эпизод, показывающий то, как к нашей стране в те времена относились западные демократии. Речь идет о признании Вашингтоном Советского Союза. Вот что говорил по этому поводу сам президент Ф. Рузвельт: "В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. (В скобках не могу удержаться от выражения "восторга" относительно хваленной американской демократии и терпимости — Н.К.) То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России"¹²².

Надо ли специально пояснить, что предвзятое (если выражаться дипломатическим языком) отношение к Советской России во многих странах и слоях западного сообщества сохранялось и к началу второй мировой войны. Важнейшей целью Сталина в международных отношениях было стремление не оказаться в роли козла отпущения, когда тогдашние западные великие державы — Германия, Англия, Франция и США — вели между собой борьбу за преобладание в мире. Отсюда и его внешнеполитическая стратегия и тактика — играть на противоречиях между ними, не допустить того, чтобы СССР стал пешкой в их политических расчетах. Ему не была свойственна какая-то предопределенная ориентация на одну державу, как пытаются доказать некоторые исследователи. В период, когда после прихода Гитлера к власти четко обозначился курс Германии на завоевание мирового господства, Сталин предпринял шаги на сближение с Англией и Францией и проводил линию на создание некоего подобия системы коллективной безопасности.

¹²² Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книги пятая и шестая. Тома 5–6. С. 538.

ности. И не вина Советского Союза, что они избрали совершенно иной курс – курс мюнхенского сговора. Именно западные державы в лице Англии и Франции вбили последний гвоздь в гроб в тех условиях все же возможной для реализации коллективной системы отпора нараставшей гитлеровской агрессии.

Некоторые же историки, подвергая тотальной критике Сталина и все, что связано с его именем, в том числе и его внешнюю политику, прибегают к явной исторической фальсификации, когда истоки второй мировой войны связывают только и исключительно с политикой Сталина в отношении к Германии. Они начисто выбрасывают из исторической памяти факты, которые расходятся с их тенденциозными построениями.

Отличительные черты Сталина как дипломата. Одной из отличительных черт Сталина как дипломата являлось то, что эта его ипостась неотделима от другой его ипостаси – Сталина как политика. Да и дипломатом в чистом виде его считать, если и правомерно, то лишь условно, с известными оговорками. Он был прежде всего и главным образом политическим и государственным деятелем крупнейшего формата. Такого формата, который далеко перешагивает за рамки своей эпохи. Но каждый дипломат высокого класса не может быть чистым дипломатом, он неизбежно должен быть и политиком, поскольку сама дипломатия выступает прежде всего и главным образом как орудие и инструмент достижения и осуществления тех или иных политических, экономических, военно-стратегических и иных целей государства.

А Сталин в своем лице как бы соединял качества творца определенной политической философии и практического реализатора этой политической философии в области международных отношений и внешней политики. Это неизмеримо расширяло диапазон его возможностей как дипломата, поскольку он не нуждался в получении каких-то директивных указаний, в соответствии с которыми он должен проводить свою линию в сфере дипломатических переговоров. Можно сказать, что такими директивами для него служило глубокое понимание и осознание фундаментальных государственных и национальных интересов своей страны.

Сталин как политик и как дипломат с полной силой проявил себя глубоким знатоком и даже теоретиком геополитики, понимаемой в самом широком смысле. Надо сказать, что в эпоху Сталина сам термин геополитика был как бы вне рамок закона, поскольку был скомпрометирован тем обстоятельством, что многие гитлеровские планы и теории формулировались на базе геополитических концепций расистского толка. Но теперь мы свободно оперируем этим понятием, вкладывая в него самое широкое понимание.

Сталин в период расцвета своей государственной деятельности, а именно этот период приходится на вторую мировую войну, проявил себя геополитиком общемирового формата. Больше того, со значительной долей уверенности можно сказать, что по масштабности и глубине проникновения в геополитические аспекты мировой политики и международных отношений ему не было равных среди государственных деятелей своего времени. Он не только на равных “разыгрывал геополитические карты” с такими корифеями западного мира, как Черчилль, Рузельт, де Голь, но и зачастую превосходил их в понимании геополитических проблем и перспектив их развития. Эта часть его политической биографии, биографии как политика и дипломата, безусловно, заслуживает особого внимания.

Каковы, с точки зрения геополитики, основные критерии, которым должен отвечать тот или иной государственный и политический деятель, если он претендует на то, чтобы занять свое место в историческом послужном списке?

Прежде всего, очевидно, он должен трезво и объективно оценивать геополитическое положение своей страны, видеть сильные и слабые стороны этого положения. Он должен обладать глубоким умом, способным анализировать всю совокупность важнейших факторов мировой политики, и на основе такого анализа вырабатывать стратегию своей страны в международной сфере. Иными словами, политический реализм — неотъемлемое качество крупного государственного деятеля. И конечно же, дипломата, каким он проявил себя в годы второй мировой войны (да и не только тогда, но и раньше, и после — в послевоенную эпоху). Но на одном политическом реализме, как говорится, далеко не уедешь. Для успешного осуществления выработанной долговременной стратегии на международной арене необходимы реальные материальные предпосылки в виде соответствующего экономического, военного и политического потенциала. Именно создание такового стало стержнем политического курса Сталина после того, как он возглавил Советское государство. В конечном итоге, успех всей дальнейшей деятельности Сталина на поприще дипломатии был предопределен и заложен до начала второй мировой войны.

Непосредственно в сферу дипломатии Stalin вступил во время второй мировой войны. Хотя, конечно, обязательно необходимо сделать следующее замечание: как главный руководитель государства и правящей партии он с самого начала принимал непосредственное и активнейшее участие в разработке как общего внешнеполитического курса страны, так и в осуществлении большинства сколько-нибудь важных дипломатических акций. В этом плане он, безусловно, не был новичком и приобрел колossalный опыт. Опираясь на этот опыт, он во время войны смог успешно осуществлять руководство страной и всеми важнейшими сторонами ее жизнедеятельности. В предвоенный и военный период В.М. Молотов был главой внешнеполитического ведомства, но общеизвестно, что ни одно сколько-нибудь важное (а часто и даже второстепенное) решение не принималось в обход или же без одобрения самим Сталиным. МИД и его аппарат были вспомогательным инструментом, с помощью которого Stalin осуществлял и руководство, и управление всей дипломатической деятельностью страны.

Особое место в этой сфере его деятельности занимают встречи с лидерами “большой тройки” в рамках Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, о чем было довольно подробно рассказано в предыдущем разделе. Даже самый беглый обзор некоторых моментов деятельности Сталина в сфере геополитики дает основание считать его крупнейшим политиком XX века. В известном смысле даже можно сказать, что он был мастером больших “геополитических игр”, ареной которых был мир в первой половине минувшего столетия. Геополитика — это та сфера, где моральные критерии не играют определяющей роли. К сожалению, но это так. Поэтому, когда люди определенной политической ориентации при подходе к оценке исторической роли Сталина, в том числе и в сфере геополитики, оперируют чуть ли не исключительно моральными категориями, — это вызывает недоумение. С таким подходом нельзя согласиться. Масштабы Сталина как исторической личности требуют многогранного подхода. Ограничиваясь, а тем более всецело концентрируясь на чисто моральных аспектах его внешнеполитической стратегии и вообще всей его политической деятельности — значит до крайности упрощать дело, полностью игнорировать исторические реалии той эпохи.

Давая обобщенную оценку роли Сталина как дипломата, следует подчеркнуть: Stalin в годы второй мировой войны, в процессе постоянного обсуждения

чрезвычайно важных и сложных проблем взаимодействия со своими союзниками по антигитлеровской коалиции, в процессе выработки основ послевоенного мирового устройства окончательно сформировался как самостоятельно и оригинально мыслящий политический деятель мирового масштаба. Он совершенствовал в себе способность к концептуальному мышлению: научился глубоко и, большей частью, безошибочно анализировать события и явления общественной жизни, и на этой базе выдвигал идеи и предложения, которые составляли платформу его политических действий. Он стремился смотреть вперед и всегда видел цель, во имя которой он работал. Соединение концептуального мышления с целеустремленностью придавало его политической философии действенность, силу и энергию. Он обладал широким государственным кругозором, умел видеть перспективы развития, что дано не каждому. Грандиозность задач, стоявших перед страной, как бы возвышала его самого и требовала от него, чтобы он соответствовал масштабам и сложности этих задач.

Особо следует отметить такое его качество как политика и дипломата, как феноменальная память, позволявшая ему вести предметный спор по самым сложным и самым широким проблемам, являвшимся предметом дипломатических переговоров. В этой сфере ему не было равных среди контрагентов по переговорам. Порой даже случались любопытные казусы, ставившие в тупик тех западных деятелей, которые вели со Сталиным дискуссии по тем или иным конкретным вопросам. Так, во время работы в журнале "Международная жизнь" (когда ее главным редактором был министр иностранных дел СССР А.А. Громыко) мне довелось услышать из уст Громыко следующий характерный эпизод из дипломатической практики Сталина. Речь шла о проблемах границ в Европе. И Громыко вспомнил, как однажды на встрече "большой тройки" при обсуждении вопроса о послевоенных границах Советского Союза Черчилль, обращаясь к Сталину, воскликнул: "Но, господин Сталин, ведь Львов никогда не входил в состав России!" После короткого раздумья Stalin спокойно ответил: "Да, господин Черчилль, Вы правы — Львов никогда не входил в состав России. Но Варшава-то входила!" По словам Громыко, Черчилль был настолько потрясен этим аргументом, что не смог ничего возразить и выглядел откровенно растроенным. То, как об этом эпизоде рассказывал Громыко, как он оттенил силу аргументации и мгновенную реакцию Сталина, свидетельствовало о его восхищении умением Сталина бескомпромиссно и решительно отстаивать интересы Советского Союза.¹²³

Справедливости ради надо отметить, что сам Черчилль в своих мемуарах излагает события в том духе, будто не русские, а представители Польского национального комитета (поддерживавшиеся Москвой) сами поставили вопрос о передаче Львова под контроль СССР и т.д. ¹²⁴

Раз уж я сослался на устное заявление Громыко, то, полагаю, обоснованно и целесообразно привести некоторые его существенно важные оценки Сталина как политика и дипломата. Тем паче что Громыко, пожалуй, чаще многих других общался со Сталиным по работе на протяжении многих, в том числе и военных лет. Помимо этого, он не хуже, а скорее, лучше других был способен оценить объективно качества Сталина как дипломата.

"Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли.

¹²³ А.А. Громыко. Дипломат, политик, ученый. М. 2000. С. 179.

¹²⁴ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. 3. С. 456.

Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражавших заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок...¹²⁵

Сталин проявил себя не только как мыслящий политик и дипломат, тонко разбирающийся во всех хитросплетениях международно-политической борьбы, а также ситуации в том или ином регионе, о котором речь шла на переговорах, но и как человек исключительно целеустремленный, умеющий добиваться поставленной цели вопреки всему, наперекор всем трудностям и преградам, встававшим на его пути. Да, он был безжалостен и часто весьма неразборчив в своих действиях и поступках. Груз моральных угрызений не отягощал его сознание, не давил тяжелым бременем на его плечи. Достижение поставленной цели являлось главным побудительным мотивом, основной пружиной, которая раскручивала всю его кипучую энергию. Конечно, нельзя не признать, что поведение Сталина-политика и дипломата часто укладывалось в рамки известных постулатов Н. Макиавелли. Политику Сталин не увязывал с моралью, что, естественно, развязывало ему руки для действий и поступков, не укладывающихся в строгие моральные принципы. Из этого не следует, что его политические действия априори носили аморальный, безнравственный характер. Он считал, что мораль и ее принципы должны быть подчинены классовым интересам, поскольку и мораль, и нравственность, по его убеждению, также всецело имели классово обусловленную природу.

Сталин как дипломат умел великолепно себя держать, проявляя, когда надо, недовольство, злость, неуступчивость и железную твердость и т. д. Но умел он и пошутить, причем шутки его всегда были окрашены в сугубо политические тона, и частенько вызывали фурор, а то и просто негодование Черчилля. Один такой забавный эпизод приводит в своей книге сын президента США Эллиот Рузвельт. Вот что он писал в своих воспоминаниях:

“К концу обеда Дядя Джо (так американцы и англичане за глаза называли Сталина – Н.К.) поднялся, чтобы предложить тост по вопросу о нацистских военных преступниках. Я не могу точно припомнить его слова, но он произнес примерно следующее:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были казнены. Я пью за то, чтобы мы объединенными усилиями покарали их, как только они попадут в наши руки, и чтобы их было не меньше пятидесяти тысяч.

Как ужаленный, Черчилль вскочил с места. (Кстати, премьер-министр во время всех тостов пил только свой излюбленный коньяк. Поглощая каждый вечер солидную дозу этого напитка, он хорошо натренировался для беседы такого рода. Все же я подозреваю, что в данный вечер даже этот заядлый пьяница владел языком хуже обычного.) Его лицо и затылок побагровели.

¹²⁵ А.А.Громыко. Памятное. Книга первая. М. 1988. С. 199.

— Подобная установка, — выкрикнул он, — коренным образом противоречит нашему, английскому чувству справедливости! Английский народ никогда не потерпит такого массового наказания. Я пользуюсь этим случаем, чтобы высказать свое решительное убеждение в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него ни имелись!

Я взглянул на Сталина. Видимо, этот разговор очень его забавлял, но он оставался серьезным; смеялись только его глаза. Он принял вызов премьер-министра и продолжал подразнивать его, очень вежливо опровергая все его доводы и, по-видимому, нисколько не беспокоясь по поводу того, что Черчилль уже безнадежно потерял самообладание.

Наконец, Сталин повернулся к отцу и осведомился о его мнении. Отец давно уже еле сдерживал улыбку, но, чувствуя, что атмосфера начинает слишком накаляться, решил обратить дело в шутку.

— Как обычно, — сказал он, — мне, очевидно, приходится выступить в качестве посредника и в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, м-р Сталин, и позицией моего доброго друга премьер-министра. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы согласимся на меньшее число. Скажем, на сорок девять тысяч пятьсот?

Американцы и русские рассмеялись. Англичане, ориентируясь на своего премьер-министра, который приходил все в большую ярость, сидели молча с вытянутыми лицами. Сталин оказался на высоте положения, подхватил предложенную отцом компромиссную цифру и начал опрашивать всех сидевших за столом, согласны ли они с ней. Англичане отвечали осторожно.

— Данный вопрос, — заявляли они, — требует и заслуживает внимательного изучения. — Американцы отвечали в более шутливом тоне. Они говорили:

— Давайте прекратим эту дискуссию. До Германии еще очень много миль; до победы над нацистами еще очень много месяцев.

Я надеялся, что Сталин удовольствуется первыми ответами и переменит тему раньше, чем очередь дойдет до меня, но ему, бесспорно, присуща настойчивость. Он обратился с этим вопросом и ко мне, и я, несколько нетвердо держась на ногах, встал с места.

— Как сказать, — ответил я и перевел дух, стараясь соображать быстро, не смотря на действие паров шампанского. — Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а ваши будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделаются с большинством из этих 50 тысяч в бою, и я надеюсь, что такая же судьба постигнет не только эти 50 тысяч военных преступников, но и еще сотни тысяч нацистов.

И, сказав это, я собрался снова сесть. Но Сталин, сияя от удовольствия, обошел вокруг стола и обнял меня за плечи.

— Превосходный ответ! Тост за ваше здоровье! — Я вспыхнул и уже готов был выпить, так как по русскому обычаю полагается пить даже за свое собственное здоровье, — как вдруг я увидел, что перед самым моим носом кто-то гневно потрясаet пальцем.

— Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь? — Это был Черчилль, взбешенный не на шутку¹²⁶.

¹²⁶ Эллиот Рузвельт. Его глазами. С.190–191.

Я, несколько злоупотребляя цитированием, все же привел этот пассаж, чтобы читатель мог реально себе представить атмосферу, в которой проходили встречи “большой тройки”, а вернее сказать, по существу и все переговоры между представителями Советской России и западными союзниками. Каждый раунд таких переговоров был подобен схватке тяжеловесов на политическом ринге. И, как свидетельствуют исторические источники, по большей части Сталину удавалось, если не в полной мере, то хотя бы частично, обосновать и отстоять позицию Советского Союза.

Работая над данным материалом, я наткнулся в Интернете на статью, помещенную в начале января 1943 года в американском журнале *ITaimI*. Она была посвящена Сталину. По традиции этот журнал в канун нового года определяет по своему выбору человека года. Таким человеком 1942 года журнал назвал Сталина и посвятил ему восторженную, хотя кое в чем и критическую статью. В ней содержатся довольно интересные мысли и оценки, сопоставления с другими личностями того времени. Приведу лишь одно высказывание: “1942 год был годом крови и силы. Человек, чье имя в русском языке означает сталь, стал человеком 1942 года. Только Иосиф Сталин в полной мере знал, как близка была Россия к поражению в 1942 году, и только Иосиф Сталин знал, как он спасет Россию от этого... Он коллективизировал крестьянские хозяйства и превратил Россию в одну из четырех великих индустриальных держав на земле. Насколько он преуспел во всем этом, стало очевидно благодаря поразившей весь мир силе России во второй мировой войне. Методы Сталина были жесткими, но они окупили себя”¹²⁷.

Рисуя портрет Сталина-дипломата, я сумел лишь обозначить пунктиром наиболее существенные черты и особенности его стиля и методов деятельности на чисто дипломатическом поприще, т.е. в качестве конкретного переговорщика и оппонента своих контрагентов по коалиции. Дополню это описание еще одной ссылкой на А.А. Громыко: “Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скончен. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием...”¹²⁸

Даже этот беглый, схематический портрет обнажает перед нами незаурядную личность, влияние которой далеко простиралось за пределы его земной жизни. Сталин и до сих пор будоражит умы людей как в нашей стране, так и за ее

¹²⁷ “Time”. January 1943. Электронная версия.

¹²⁸ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 199–200.

пределами. И задача состоит в том, чтобы объективно раскрыть его подлинную историческую роль, а не малевать или полубожество, или патологического маньяка. Возвысить нашу страну до уровня второй мировой державы мог только по-настоящему великий человек, а не какая-то мелкая посредственность, претендующая на такую роль. В истории случается все, но еще никогда политический пигмей не стал политическим великанином. А наоборот — иногда происходит!

Завершить этот раздел мне хочется словами одного из американских биографов Сталина А. Улама, дающего обобщающую характеристику Сталина не столько как исторической личности, сколько как дипломата. Американский автор в целом резко отрицательно оценивает многие стороны политики Сталина, отмечая, что ни один из тиранов в истории не обладал такой необъятной властью, как Сталин. Вместе с тем он подчеркивает и колоссальные достижения, прямо увязывая их с деятельностью Сталина. О Сталине как дипломате американский автор пишет чуть ли не восторженно-патетически: “Но если полководческие заслуги Сталина сомнительны, то его дипломатический талант безусловен...

Достаточно парадоксально, что этому величайшему дару Сталина выпало меньше всего признания, даже в его собственной стране и даже в период «культы личности». Его величие как дипломата намного превосходило его дипломатический опыт; оно основывалось на тщательном взвешивании сильных и слабых сторон (как психологических, так и материальных) партнеров и врагов России, их национальных характеров и идиосинкразии, человеческих страстей и страхов. Когда он сел за стол переговоров с Рузвельтом и Черчиллем, он — который лишь недолго жил за границей и чья жизнь была ограничена узами конспирации и коммунистической политики, — знал намного больше о политике и экономике их стран, чем они знали со слов своих экспертов о его. И, что более важно, он разобрался в характерах обоих своих партнеров так, как они никогда не могли бы разобраться в нем”¹²⁹.

Завершая рассмотрение данной темы, хочу, чтобы у читателя не сложилось одностороннего, а значит, и не отвечающего критериям исторической истины впечатления о Сталине как политике и дипломате, не имевшем отрицательных черт и качеств, добивавшемся только побед и успехов в своей внешнеполитической и дипломатической деятельности. Я не берусь и не в силах обелить Сталина прежде всего как политика, ибо на нем лежит тяжкий груз ответственности за многие деяния, совершенные в его политической карьере. Это, пожалуй, самая сложная и вместе с тем самая противоречивая страница его политической биографии. Простых объяснений тут нет и не может быть. Но уклониться от них не дано. История еще ждет исчерпывающего, объективного и беспристрастного ответа на многие вопросы, касающиеся различных сторон деятельности Сталина. Равно как ждет более полного и объективного исследования его роли как дипломата. Ведь заклеймить мало. Надо дать ясное и всестороннее объяснение всему тому, что имело место в истории его жизни. Это в полной мере относится к периоду Великой Отечественной войны, которая стала не только блестящей страницей всей нашей истории, но и, пожалуй, гималайским пиком его деятельности как государственного деятеля, политика и, как бы по совместительству, дипломата.

¹²⁹ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 559.

7. Финал второй мировой войны – разгром Японии

После завершения войны в Европе оставался единственный очаг агрессии и войны – Япония. Stalin в своей военно-политической стратегии исходил из того, что Советский Союз должен выполнить неукоснительно свои обязательства, данные им союзникам на Ялтинской и последующих конференциях. Участие СССР в разгроме японского милитаризма сокращало число возможных жертв как со стороны союзников, так и с японской стороны, в том числе мирного населения. Во-вторых, советский лидер вполне резонно полагал, что вклад Советской России укрепит ее международные позиции и станет немаловажным фактором при решении послевоенных проблем на Дальнем Востоке. А это имело большое значение для решения территориального вопроса, а также для развития отношений с Китаем. Таким образом, в одно целое сливался целый комплекс факторов, лежавших в основе решения Сталина вступить в войну против Японии.

По мере того, как все более реальной становилась перспектива военного поражения Японии, ее правящие круги взяли курс на то, чтобы хоть в какой-то степени улучшить отношения с Советским Союзом. Эта линия была следующим образом сформулирована в правительственном курсе.

“Позиция империи по отношению к Советскому Союзу. Империя до последней возможности будет избегать войны с Советским Союзом и, обеспечивая поворот к лучшему в дипломатических отношениях между обеими странами, будет заботиться о том, чтобы не допускать выпадов с нашей стороны по отношению к Советскому Союзу, не давать поводов для того, чтобы позиция Советского Союза по отношению к Японии стала жесткой, но в то же время придерживаться решительной линии при законных требованиях империи”¹³⁰.

Японские правящие круги всеми мерами стремились предотвратить возникновение войны между Японией и Советским Союзом и обеспечить поворот к лучшему в японо-советских дипломатических отношениях. В то же время, улучив удобный момент, они намеривались оказать содействие заключению мира между Германией и Советским Союзом. Дальнейшее развитие событий на театрах военных действий со всей убедительностью показало, что приведенные выше установки японских правящих кругов не имели под собой реальной почвы и отражали скорее пожелания и иллюзорные надежды, нежели реальные расчеты.

Огромную роль в поражении Японии сыграли налеты союзной авиации на японские города и промышленные объекты, в частности на Токио. Последствия оказались потрясающими. Моральный дух гражданского населения резко упал после налета на Токио: из городов бежало свыше 8,5 млн. жителей. В результате резко сократилось военное производство, и это произошло в тот момент, когда военная экономика Японии находилась почти на пределе своих возможностей.

В это время начался более реалистический анализ и общей международной ситуации. Так, стали более трезво оценивать позицию СССР в предстоящий период. Японские правящие круги пришли к выводу, что весьма сомнительно, что Советский Союз в случае развития неблагоприятной обстановки для стран оси в Восточной Азии и Европе будет твердо придерживаться нейтралитета в отношении Японии. И тем не менее с упорством маньяков японские милитаристы держали курс на продолжение войны и строили иллюзии относительно будущего.

¹³⁰ Хатори Такусиро. Япония в войне. 1941–1945. СПб. 2000. С. 306–307.

Поскольку Германия оказалась в тяжелом положении, нейтральная позиция Советского Союза по отношению к Японии становилась сомнительной. Возрастали трудности и в деле обеспечения военного сотрудничества с сателлитами Японии в “Великой Восточной Азии.” Среди широких кругов японского населения стало проявляться, хотя и не открыто, чувство тревоги в отношении перспектив войны. Ожили антивоенные пацифистские тенденции среди придворных кругов. Понимая всю бесперспективность войны против Объединенных Наций в целом, в особенности в условиях перспективы разгрома гитлеровской Германии и завершения военных операций в Европе, японские правящие круги стали весной и летом 1945 года усиленно зондировать почву относительно возможности заключения мира на выгодных для Японии условиях.

Летом и осенью 1944 года в Японии особые надежды возлагались на переговоры с Советским Союзом. Первоначально Токио выдвигал идею японского посредничества в целях содействия заключению сепаратного мира между СССР и Германией, а также проведения переговоров с Москвой по широкому кругу вопросов японо-советских отношений. Предполагалось даже послать специальную миссию в Москву во главе с бывшим премьером Тодзио. Из Москвы пришел ответ: СССР отказал в приеме специальной миссии Японии. В связи с таким положением Высший совет по руководству войной Японии определил следующим образом позицию в отношении Советского Союза: на время отложить вопрос о посылке специальной миссии, но в удобный момент вновь возобновить переговоры; стараться разрешить все имеющиеся проблемы в отношениях с Советским Союзом.¹³¹

Примерно в то время, когда в Токио вынашивали планы путем дипломатических маневров как-то компенсировать свои военные поражения и подготовить почву для заключения мира на условиях, которые были бы выгодны Японии, из Москвы поступил ясный и недвусмысленный сигнал. 6 ноября 1944 г. И. В. Сталин произнес речь, которая явилась неожиданным ударом. Дело в том, что прежде в официальных выступлениях обеих сторон избегали упоминать о делах партнеров, а на сей раз Stalin впервые в своей речи коснулся японского вопроса и назвал Японию агрессивным государством.

Но тем не менее Токио продолжал питать иллюзии относительно возможности заключения выгодного для себя мирного договора. Достаточно сказать, что японцы установили связь с главой американской разведки в Европе А. Даллесом. В июне 1945 года было передано американцам японское предложение о заключении мира. Японские мирные условия заключались в следующем: изменение термина “безоговорочная капитуляция”, неприкосновенность императора, сохранение конституции, международное управление Маньчжурией, оставление Кореи и Тайваня за Японией. Как явствует из этих условий, японский милитаризм не собирался все-результатом идти на уступки. Из Вашингтона был получен ответ: США желали бы сохранить в неприкосновенности императорский режим, но так как возражали другие страны (СССР, Франция и Китай), они хотели бы не фиксировать этого в письменном виде. Американцы считали, что японская конституция должна быть изменена. США не возражали против переговоров, рекомендуя начать их до вступления Советского Союза в войну. Некоторые круги в Соединенных Штатах Америки склонны были договориться с японцами сепаратным путем.¹³²

Рассматривая коренные причины катастрофического положения, в котором

¹³¹ Хатори Такусиро. Япония в войне. 1941–1945. С. 653.

¹³² Там же. С. 341–342.

оказалась Япония в 1945 году, необходимо отметить и такой важный фактор, как роль национально-освободительного движения в странах, оказавшихся под японской оккупацией. Разлагольствования японцев о “зоне совместного процветания”, которое якобы несло с собой установление власти японцев, на деле обернулось жесточайшими преследованиями и карательными акциями против населения оккупированных стран. Токио стремился использовать недовольство населения своим колониальным положением (от Англии, Голландии, Франции и т.д.), делал ставку на те силы, которые стремились вообще освободиться от прежней колониальной зависимости. С этой целью даже было создано марионеточное правительство Индии, полностью контролировавшееся японцами. Однако эти расчеты в конечном счете не оправдались. Японская оккупация оказалась во много раз худшим злом, чем даже господство старых колонизаторов. Вполне естественно, что во время второй мировой войны усилилось национально-освободительное движение и во многих странах Юго-Восточной Азии. Во Вьетнаме, в Бирме, на Филиппинах и в Малайе были созданы специальные вооруженные силы – армии и партизанские отряды, которые вели успешную борьбу против японских оккупантов.

Советско-японские отношения в период войны были наполнены фактами прямого нарушения японской стороной пакта о нейтралитете. Можно сказать, что фактически Япония открыла второй фронт против Советского Союза. Так, в 1942 году японское командование сосредоточило в прилегающих к СССР районах армию в 11000 тыс. человек, т. е. 35% всей армии, 2/3 танковых сил и т. д.¹³³ Она вплоть до битвы за Берлин снабжала Германию секретной разведывательной информацией о Советском Союзе.

В свете всего сказанного вполне естественным и закономерным явилось решение Советского Союза 5 апреля 1945 г. денонсировать пакт о нейтралитете. “Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР”, – говорилось в заявлении Советского правительства. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. В связи с этим Советское правительство заявило, что “при таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным”¹³⁴.

В феврале 1945 года на Крымской конференции трех держав Советский Союз подписал соглашение, которое придало этому обещанию нашей страны юридическую силу. Соглашение в пунктах, касающихся Японии, гласило: “Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

¹³³ Л.Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М. 1962. С. 380.

¹³⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М. 1947. С. 166.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией”¹³⁵.

И это обещание было выполнено, как говорится, с избытком. Советский Союз вступил в войну с Японией не через 6, а через 3 месяца после краха фашистской Германии. Некоторые историки утверждают, что, мол, вступление СССР в войну уже мало чего меняло в ситуации. Однако американские военные реально планировали операции против Японии и на 1946 год. Так что бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну не только решающим образом ускорило ее завершение, но и сберегло жизни многих тысяч солдат союзников. Не следует забывать, что Япония к августу 1945 г. еще располагала серьезной военной мощью в лице Квантунской армии, которая позже была разгромлена советскими войсками.

Как свидетельствуют убедительные исторические факты, союзное военное командование считало, что война с Японией продлится еще долго. Это утверждали многие политические и военные деятели США и Англии. Так, Черчилль заявил в палате общин 16 августа 1945 г. (уже после атомной бомбардировки Японии), что невозможно определить, сколько времени потребуется для подавления сопротивления в собственно Японии. Военный министр США Г. Стимсон тоже считал, что операции по овладению Японией могут быть длительными и весьма напряженными. В памятной записке Трумэну 2 июля 1945 г. он писал: “Если мы осуществим высадку на одном из главных островов и начнем захватывать Японию, японцы, по всей вероятности, станут сопротивляться до последней капли крови... В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию...”. Поэтому Стимсонставил вопрос: “Нельзя ли, не прибегая к насилиственной оккупации Японии, принудить ее вооруженные силы к безоговорочной капитуляции?..” Считая это возможным, военный министр предлагал сделать Японии соответствующее предупреждение.¹³⁶

26 июля 1945 г. правительства США, Англии и Китая направили Японии ультиматум, вошедший в историю под названием Потсдамской декларации. В ней излагались условия, на которых Япония должна была капитулировать: устранение власти и влияния милитаристов, оккупация указанных союзниками пунктов, ограничение японского суверенитета островами метрополии, возрождение и укрепление демократических тенденций в стране, наказание военных преступников, ликвидация военной промышленности и другие. Одним из важнейших требований являлась безоговорочная капитуляция всех японских вооруженных сил. В декларации, в частности, говорилось: “Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указываемому разумом”¹³⁷.

Потсдамская декларация была выработана без участия СССР. Несмотря на

¹³⁵ Крымская конференция руководителей трех союзных держав... С. 273.

¹³⁶ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М. 1965. С. 531.

¹³⁷ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 383.

это, ее содержание в полной мере соответствовало интересам Советского Союза, который присоединился к декларации 8 августа 1945 года. Представляется важным отметить один важный факт: Сталину удалось добиться того, что инициатором решения, согласно которому Япония после поражения должна была понести определенные территориальные потери, был не Советский Союз, а США. Именно они в ряде документов, подписанных в ходе второй мировой войны, настояли на этом. Наиболее полно программа послевоенного урегулирования с Японией, принципы, на которых должна была базироваться политика союзников в отношении Японии после войны, — все это четко сформулировано в Потсдамской декларации.

Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию. Принимая решение продолжать войну, правительство Японии рассчитывало на раскол антифашистской коалиции. Для этого японские представители вели секретные переговоры с США и Великобританией. Они добивались сохранения императорской власти после войны. Правительство Трумэна, по существу, ответило на это согласием. Лишь отказ Японии принять требование безоговорочной капитуляции привел к тому, что переговоры с США не принесли желаемых результатов. Одновременно правящие круги Японии хотели использовать Советский Союз как мирного посредника между США и Японией, но безуспешно. Stalin на Потсдамской конференции проинформировал делегации США и Великобритании о дипломатических маневрах Японии. Попытки расколоть антифашистскую коалицию вновь потерпели крах.

Черчилль в связи с предстоявшим вступлением Советского Союза в войну против Японии занимал скорее отрицательную, нежели положительную позицию. Он исходил из того, что новое оружие делает ненужным участие Советской России в войне. Таким путем он стремился, по возможности, сузить или свести к минимуму договоренности, принятые ранее. Он боялся усиления влияния Советской России на Дальнем Востоке.

Достаточно привести соответствующие рассуждения английского премьера на этот счет:

“Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений. Через несколько дней я сообщил Идену. “Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против Японии”. Поэтому всю совокупность европейских проблем можно было рассматривать независимо и на основании широких принципов Организации Объединенных Наций. Внезапно у нас появилась возможность милосердного прекращения бойни на Востоке и гораздо более отрадные перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже и речи о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, после всех наших трудов и опасностей казалось чудом избавления”¹³⁸.

Здесь, кроме всего прочего, поражает та легкость, с которой Черчилль рассуждает о необходимости применения атомного оружия в войне против Японии.

¹³⁸ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5–6. С. 664.

Его, конечно, не слишком заботили соображения морали, не терзали мысли о колossalных жертвах среди мирного населения Страны Восходящего солнца.

Надо отметить, что Сталин трезво оценивал произошедшие на мировой арене изменения, в том числе и применительно к вопросу об участии СССР в войне на Дальнем Востоке. Он понимал, что ставка исключительно на применение атомной бомбы отнюдь не дает абсолютную гарантию союзникам в том, что Япония чуть ли немедленно капитулирует. Здесь, как говорится, все еще было покрыто мраком неопределенности, и правительство Соединенных Штатов Америки не желало идти на риск. Именно поэтому оно и рассматривало вступление СССР в войну как позитивный фактор, дающий Вашингтону неоспоримые гарантии скорого окончания войны.

Летом 1945 г. правительство США приняло решение использовать в войне против Японии атомную бомбу. Была ли в этом военная необходимость? Нет! Ведь уже было совершенно очевидно, что Япония находилась накануне капитуляции, что ее судьба была предрешена как ходом второй мировой войны, так и предстоявшим через несколько дней вступлением в войну СССР. Первую бомбу американцы взорвали над Хиросимой 6 августа 1945 г. 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на приморский город Нагасаки.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было вполне логичным и справедливым решением. В этой связи приведем мотивировку, которая содержалась в акте Советского Союза об объявлении войны: "Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года. Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией¹³⁹. Более чем миллионная Квантунская армия, личный состав которой воспитывался в духе фанатической преданности императору и ненависти к Советскому Союзу, представляла собой серьезную военную силу. К тому же она располагала многочисленными бактериологическими средствами, которые предназначались для применения в массовом масштабе, и опиралась на заранее подготовленный во всех отношениях плацдарм на территории Маньчжурии и Кореи.

Для тех, кто считал судьбу Японии уже предрешенной, сошлюсь на то, как английский премьер оценивал военный потенциал Квантунской армии: "Вряд ли можно назвать японский фронт в Маньчжурии слабым, хотя, конечно, советские войска, изготовленные к наступлению на Дальнем Востоке, превосходили силы противника, оборонявшиеся в этом районе. Японские войска в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах насчитывали 49 дивизий, общей численностью свыше 1 млн. человек, а с учетом местных формирова-

¹³⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 363.

ний – 1,2 млн. человек, 6640 артиллерийских орудий, 1215 танков. В Маньчжурии был создан мощный стратегический плацдарм. Протяженность полосы укреплений составляла 800 километров и насчитывала более 4500 дотов. Сухопутную группировку японских войск поддерживали около 2 тыс. самолетов. Группировка советских войск насчитывала свыше 1,7 млн. человек, около 30 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов¹⁴⁰.

9 августа Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке атаковали Квантунскую армию с суши, воздуха и моря. Боевые действия войск развернулись на фронте протяжением выше 4 тыс. км. Тихоокеанский флот вышел в открытое море, перерезал морские коммуникации, использовавшиеся Квантунской армией для связи с Японией, и своими военно-воздушными силами нанес мощные удары по портам в Северной Корее.

За 23 дня советские войска наголову разбили японскую Квантунскую армию и освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Враг потерял за это время выше 677 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми около 84 тысяч. Советские войска захватили большие трофеи. Таких больших потерь японская армия не несла ни в одной из предыдущих операций ни против китайцев, ни против американцев. Это было самое крупное поражение японских империалистов в ходе всей второй мировой войны. Общие потери Красной Армии составляли около 32 тыс. человек. Наступление Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке – это подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением всей Квантунской армии и уничтожением ее по частям.¹⁴¹

Было бы грубой исторической ошибкой недооценивать роль и значение вступления Советского Союза в войну против Японии. Наш вклад в дело победы над Японией очевиден и бесспорен. Однако по этому поводу до сих пор бытуют две неправильные точки зрения. Одна из них, которой на протяжении ряда лет придерживались в Советском Союзе, приписывает нашей стране решающую роль в победе над японским милитаризмом. Так, например, В.Н. Евстигнеев в своей работе “Разгром империалистической Японии на Дальнем Востоке” утверждал: “Исторические факты свидетельствуют о том, что победоносные боевые действия советских сухопутных сил в Маньчжурии и Корее и военно-морских сил в Охотском, Японском и Жёлтом морях решили исход войны с империалистической Японией и обеспечили ликвидацию очага мирового фашизма на Востоке”¹⁴².

Несколько не преуменьшая значение и роль Советского Союза в победе над Японией, едва ли есть достаточные основания приписывать нашей стране главную заслугу в этой победе. Не менее ошибочна и точка зрения, согласно которой наша роль в достижении победы злонамеренно отрицается или же крайне преуменьшается. Бесспорным фактом является то, что вступление СССР в войну сократило ее сроки в весьма значительной мере, что было благом для всех, в том числе и для самих японцев. В противном случае продолжение ставшей уже беспомощной войны принесло бы Японии новые страдания и разрушения.

Своебразную точку зрения на причины поражения Японии во второй мировой войне высказывает “Британская энциклопедия”. Согласно этой точке зрения, центральную роль в решении капитулировать сыграли не атомные бомбар-

¹⁴⁰ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тома 5–6. С. 682.

¹⁴¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. С. 544.

¹⁴² В.Н. Евстигнеев. Разгром империалистической Японии на Дальнем Востоке. М. 1951. С. 24.

дировки США и не вступление Советского Союза в войну. Эту роль сыграла военно-морская блокада японских островов, в результате которой страна была обречена на экономический крах, а также осознание японским руководством того факта, что без экономических связей со своими колониями продолжение войны являлось бессмысленным актом. Бомбежки лишь довели до сознания японского народа неотвратимость поражения. В "Британской энциклопедии" подчеркивается, что японская сухопутная армия представляла собой мощную силу и, в отличие от военно-морского флота и авиации, серьезно не пострадала и готова была к продолжению войны.¹⁴³

9 августа 1945 г. премьер-министр Японии зачитал заранее подготовленный проект заявления следующего содержания: "Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора". Затем премьер-министр дал разъяснения. Судзуки сказал, что Высший совет на сегодняшнем заседании решил принять условия капитуляции, если: а) она не затрагивает императорской фамилии; б) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий; в) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; г) не будет осуществлена оккупация с целью гарантий.¹⁴⁴

Итак, Япония, приняв условия Потсдамской декларации, признала себя побежденной. В этой войне потери Японии в людях составили 2 млн. 600 тыс. человек. Это было невиданное за всю историю Японии поражение. Причем следует иметь в виду, что со временем маньчжурского конфликта решающую роль в Японии играли военные, и прежде всего представители армии, которые занимали особое положение. В последний период войны такое положение занимал военный министр генерал Анами. Возвратившись в свою резиденцию, военный министр Анами написал свое последнее обращение к войскам и на рассвете 15 августа покончил с собой. Покончили с собой и ряд других видных японских военачальников.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора "Миссури" был подписан Акт о капитуляции Японии. В нем говорилось: "Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся"¹⁴⁵.

Подписание Акта о капитуляции означало конец войны с Японией и конец всей второй мировой войны. Это было величайшее событие для всех народов мира. Оно открыло принципиально новую страницу в истории Японии. В определенном смысле была поставлена точка и в истории развития японского милитаризма. Цена, которую заплатил японский народ за агрессивную политику своих правящих кругов, была весьма велика. И она оставила неизгладимый след в сознании всего японского народа.

В связи с победоносным завершением войны на Дальнем Востоке Сталин выступил с обращением к народу. Он охарактеризовал вкратце всю историю развертывания японским милитаризмом агрессивных действий против России, а

¹⁴³ "Британская Энциклопедия". Электронная версия.

¹⁴⁴ Хатори Такусиро. Япония в войне. 1941–1945. С. 796.

¹⁴⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 481–482.

затем и против Советского Союза. Перечень оказался внушительным. Капитуляция Японии стала закономерным финалом ее политики агрессии и захватов чужих территорий. Советский лидер подвел всему этому итог. Поражение Японии явилось финальным аккордом второй мировой войны. Сталин сказал, обращаясь к своим согражданам:

“Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всём мире, уже завоёваны... Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира”¹⁴⁶.

Итак, в Советском Союзе начался новый этап развития. Новый этап начался и в государственной и политической деятельности Сталина. Перед страной, а значит и перед ее лидером, встали новые задачи, решение которых требовало колоссального напряжения сил и энергии. Наступил мир, но не наступил покой в мире. Старые проблемы сменились новыми, порой не уступавшими по своей сложности и трудности тем, которые решались прежде. Stalin мог бы с полным на то правом повторить слова А. Блока:

“И вечный бой! Покой нам только снится...”

Вся дальнейшая политическая судьба Сталина служит как бы подтверждением справедливости этих крылатых слов великого русского поэта.

¹⁴⁶ И. Stalin. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 203–206.